

INSPIRIA

АЛТАРЬ СМЕРТИ

ИСТОРИЯ

МАНЬЯКА-КАННИБАЛА

ДЖЕФФРИ ДАМЕРА

18+

БРАЙАН МАСТЕРС

INSPIRIA

Брайан Мастерс
Алтарь смерти. История
маньяка-каннибала
Джефффри Дамера
Серия «Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284822

Алтарь смерти. История маньяка-каннибала Джефффри Дамера /

Брайан Мастерс: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-166566-1

Аннотация

Невероятно шокирующая и мрачная биография Джефффри Дамера – одного из самых знаменитых серийных убийц в истории, получившего прозвище «Каннибал из Милуоки».

Летом 1991 года охваченный паникой мужчина, с руками, скованными наручниками, выбежал из многоквартирного дома и обратился к патрульным полицейским за помощью. Дрожа от страха, он привел их обратно в логово своего похитителя, где оказался самый настоящий ад. В квартире хранились останки не менее пятнадцати человек: туловища в огромной

бочке, коллекция черепов и скелет в комод, в холодильнике – отрубленные головы. К морозилке были прикреплены полароидные фотографии изувеченных тел.

После ареста 31-летнего Джеффри Дамера следователи поняли, что наткнулись на «реального Ганнибала Лектера»: маньяк рассказал, что сохранил человеческое сердце, чтобы его съесть. Кости жертв, по задумке убийцы, должны были стать частью его собственного алтаря – для чествования страшной красоты смерти...

Как тихий сотрудник шоколадной фабрики превратился в садиста, некрофила и каннибала, преступления которого потрясли всю страну? Психологичная, ужасающая и откровенная, история Джеффри Дамера показывает самые экстремальные и темные стороны человеческой природы.

«Первая книга Брайана Мастерса, „Убийство ради компании“, заслуженно стала классикой криминологии. Вторая книга, „Алтарь смерти“, слой за слоем раскрывает менталитет убийцы с мастерством рембрандтовского анатома, препарирующего тело». – Literary Review

«Убедительный портрет молодого человека, впавшего в невыразимое безумие... Захватывающее чтение». – Daily Telegraph

«Непревзойденно... Предмет книги ужасен и отталкивает, но само исследование поучительно». – Independent

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	41
Глава 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Брайан Мастерс

Алтарь смерти. История

маньяка-каннибала

Джефффри Дамера

Посвящается покойному Джеймсу Кресси

*Главнейшая среди страстей-стихий
Их всех пожрет, как Ааронов змий.*

*Александр Поуп, «Опыт о человеке», Эпистола 2,
строка 131 (Пер. В. Микушевича)*

Глава 1

Обвинения

– Дамы и господа присяжные заседатели, вам предстоит отправиться в одиссею.

Так начал свою вступительную речь Джеральд Бойл на суде по делу Джеффри Дамера 30 января 1992 года. Это были слишком тяжелые, слишком зловещие слова для небольшого уютного здания суда в Милуоки, где юристы привыкли лишь дружелюбно болтать и подтрунивать друг над другом и где летом судья может позволить себе вести процесс в рубашке с короткими рукавами. Но на дворе стояло не лето, и в деле, которое собирался представить мистер Бойл, не было абсолютно ничего приятного или хоть немного утешительно-го. Интонацией своего голоса он определенно пытался предупредить сидящую перед ним аудиторию. За несколько месяцев подготовки к судебному процессу он ясно понял, что именно его ждет. Его задача – отворить окно в глубины извращений и беззакония, которые едва ли можно вообразить; при этом суметь заставить и себя, и присяжных рассуждать непредвзято, постараться понять преступника, не испытывая к нему отвращения. Казалось, Бойл пытается извиниться перед своими слушателями за то, что пытается отождествить себя с ними, чтобы дело, которое он собирался им предста-

вить, не бросило тень и на него самого. Можно сказать, он дистанцировался от своего клиента. И к концу дня было совсем не сложно понять, почему.

Но для общественности эта одиссея началась уже в 23:30 вечером 22 июля 1991 года на углу Килборн-авеню и 25-й Северной улицы в Милуоки. Стояла знойная ночь, и, так как этот район города считался довольно неблагополучным, вечерами улицы часто становились ареной для многочисленных ночных конфликтов и драк. Двое полицейских, Рольф Мюллер и Роберт Раут, ехали в патрульной машине, привычно готовые ко всему, но в то же время расслабленные. Они уже точно не ожидали никаких серьезных происшествий, когда их неожиданно остановил 32-летний темнокожий мужчина по имени Трейси Эдвардс. С левого его запястья свисали наручники. Патрульная машина притормозила, и офицеры Раут и Мюллер вышли из нее. Эдвардс сказал им, что наручники нацепил на него «какой-то псих», и попросил полицейских их снять.

– Я просто хочу их снять, – пояснил он.

Офицеры попытались открыть наручники, но их ключи к этой модели не подошли. Сумей они это сделать, Эдвардс, скорее всего, поблагодарил бы полицейских и отправился домой – он жил на Килборн-авеню и мог спокойно дойти пешком. И тогда извращенная драма, дело рук Джеффри Дамера, оставалась бы скрытой от мира в течение еще нескольких недель или даже месяцев.

Офицеры проявили любопытство: каких-либо серьезных подозрений у них не было, но тем не менее Трейси Эдвардс очевидно застрял в наручниках. Он отвел полицейских в квартиру, расположенную в доме № 924 на 25-й Северной улице, где, по его словам, и жил тот самый «псих». В этом многоквартирном доме в основном проживали чернокожие или азиатские семьи. Но человек, обитавший в квартире № 213, был белым, и именно к нему примерно в половине седьмого Эдвардс пришел в гости.

Трое мужчин постучали в дверь. Им открыл 31-летний мужчина, рост метр восемьдесят, со светло-русыми волосами и очками на голове, которого звали Джеффри Л. Дамер. Молодой человек с правильными чертами лица был бледным и каким-то безрадостным. Придерживая открытую дверь, Дамер пригласил их войти. В маленькой, но приятно обставленной гостиной полицейские увидели большое удобное кресло, массивный цветочный горшок на высокой подставке, на полу – восточный ковер, а на окнах – синие шторы. Несколько прекрасных картин на стене и фотография голого мужчины модельной внешности в рамке довершали интерьер. Комнату нельзя было назвать убогой или грязной; она даже казалась на удивление чистой и опрятной для жилья, расположенного в подобном месте.

Поначалу Дамер шел на контакт, но на вопросы отвечал расплывчато. Он сказал, что работает на шоколадной фабрике «Амброзия» в центре города. Дамера спросили про наруч-

ники, почему не удастся их открыть и нет ли у него каких-либо психических отклонений. Дамер признался, что это он надел наручники на Эдвардса, но не мог объяснить почему. Эдвардс же пошел еще дальше и сказал, что Дамер угрожал ему большим ножом. Тот никак на это не отреагировал, но ответил, что ключи от наручников должны быть в спальне, и указал на дверь. Он пригласил офицера Мюллера пройти, но затем, казалось, что-то вспомнил – и ринулся к двери сам. Но офицер Раут попросил его отойти.

Между тем Мюллер сразу заметил, что под кроватью действительно лежит большой нож, а в открытом верхнем ящике комода – множество полароидных фотографий обнаженных мужчин. Просмотрев их, он с ужасом понял, что на многих из них изображены отрубленные головы, расчлененные конечности, разлагающиеся человеческие торсы; по окружающей обстановке на фотографиях было понятно, что это не коммерческая поделка – их сделали в той же спальне. Ошарашенный Мюллер вернулся в гостиную с фотографиями в руке.

– Эти фото настоящие, – сказал он Рауту.

В этот момент Дамер, казалось, пришел в себя. Пытаясь его задержать, Раут подошел к нему, и двое мужчин, сцепившись в борьбе, упали на пол. Полицейский, удерживая Дамера за руку, сел на него сверху, но тот сумел протянуть другую руку и с силой ущипнуть Раута за бедро. Раут вскрикнул от боли, к нему подскочил Мюллер, чтобы помочь обез-

вредить Дамера. Они вызвали еще одну патрульную машину, и в 23:50, когда подозреваемый лежал прижатым к полу, на место прибыл офицер Шессоу. Он вернулся в машину за наручниками, и уже после этого Джефффри Дамера соответствующим образом арестовали.

Для Дамера это стало концом очень долгого пути – но для полиции же он только начинался. Трейси Эдвардс рассказал, что Дамер надел на него наручники, когда он подошел к холодильнику, чтобы взять пиво. При этом хозяин квартиры предупредил, что Эдвардс увидит там кое-что и не поверит своим глазам. Рольф Мюллер открыл дверцу холодильника и обнаружил на нижней полке картонную коробку, в которой лицом вверх лежала отрубленная голова чернокожего мужчины. Он быстро закрыл дверцу.

Дамер, которого все еще прижимали к земле, в этот момент повернул голову и проговорил:

– За то, что я сделал, я должен умереть.

После этого офицеры позвонили в бюро уголовных исследований, и вскоре после полуночи крошечная квартира Дамера была забита полицейскими, медицинскими работниками и пожарными.

В 00:05 первым на место происшествия прибыл детектив Джеймс Девалкенаэр. Он начал осматривать спальню и составлять опись найденных в квартире Дамера предметов; Майкл Дабис и Патрик Кеннеди, которые прибыли на место в 00:15, приступили к допросу подозреваемого. Через

шесть месяцев именно Кеннеди в полной тишине зала суда зачитает первую часть признательных показаний. В 00:30 об инциденте оповестили офис судебно-медицинской экспертизы округа Милуоки и конкретно доктора Джеффри Джентцена, который немедленно сообщил обо всем своим коллегам. Ширли Гейнс прибыла в квартиру в 00:45, доктор Аллен Стормо присоединился к ней в час ночи, а затем прибыл и сам доктор Джентцен с помощником судмедэксперта доктором Джоном Теггацом. Еще один полицейский, Джеймс Шенекер, также прибыл туда вместе с экспертом по идентификации Ральфом Бэзиллом. Именно эти двое провели ночь, делая фотографии места происшествия и предметов, которые нужно было забрать оттуда, – всего сто шесть снимков. Последним, вместе с лестницей и специальным приспособлением – «устройством для перевозки потенциально опасных материалов», – прибыл начальник пожарной охраны Кевин Кларк. С помощью этого оборудования он собирался забрать из спальни большую синюю бочку, источавшую ядовитый химический запах.

Тем временем подозреваемого в сопровождении детектива Патрика Кеннеди увезли в полицейский участок для первого допроса, который длился почти шесть часов – с полвторого ночи до 7:15 утра. После этого Дамера будут допрашивать еще два часа, а в течение двух следующих недель его ждет множество подобных бесед, по длительности сравнимых с марафонским забегом. Подозреваемый не только сми-

рился и начал сотрудничать со следствием, но и сам захотел во всем сознаться: снять с души груз, избавиться от невыносимых и отравляющих ему жизнь воспоминаний.

– Думаю, в каком-то смысле я и сам хотел, чтобы все это закончилось, – признается он намного позже, – даже если это уничтожит и меня самого.

Само признание он представлял себе как «очищение и... обновление»¹. Джефффри Дамер рассказал постоянно моргающему детективу Кеннеди, который и не подозревал о совершении каких-либо преступлений, что за прошедшие четыре года он убил в Милуоки шестнадцать человек, причем шестерых из них – в течение последних нескольких недель; рассказал, что он обезглавил, расчленил и обезличил тела, а все, что от них осталось, выбросил в мусор; что некоторые из черепов он оставил себе, а некоторые тела поместил в кислоту, чтобы они полностью растворились. Рассказал, что началось все еще в 1978 году в штате Огайо, когда он кувалдой расчленил свою первую жертву и разбросал эти части в лесу; что троих мужчин он убил и расчленил в доме своей бабушки; а затем – ровным, мягким и монотонным голосом – сообщил, что потребуется примерно час, чтобы сварить человеческую голову.

От внезапно свалившейся на него информации детектив Кеннеди пребывал в легком шоке; он вышел из комнаты для

¹ Все цитаты приведены по архивам бесед Джефффри Дамера с доктором Кеннетом Смейлом.

допросов в оцепенении и сомнениях, сообщив одному из своих коллег, что Дамер, должно быть, фанатик или псих. Одного Кеннеди еще не знал: пока он всю ночь допрашивал Дамера, следователи в квартире 213 собирали доказательств, подтверждающие каждое слово его признания. Кеннеди дали понять, что он слушал не исповедь претенциозного, жаждущего внимания чудака, а голые факты, лишённые выдумки и эмоций. Это и стало переломным моментом.

Пришло время узнать, что именно было найдено в квартире Дамера. Это поможет нам понять, какой информацией обладали окружной прокурор, адвокат Джеральд Бойл и казавшийся бесконечным парад психологов и психиатров, одни из которых прилагали тяжелые и даже мучительные усилия, стремясь понять, что именно случилось и почему; в то время как другие пытались смягчить уже известные факты и привести дело к благоприятному исходу. Но никто из них не приступал к делу, заранее не вооружившись хоть какой-либо информацией, – так что не будем и мы.

Двери квартиры 213 – и внешняя, и внутренняя – надежно защищены несколькими замками и сигнализацией. На стенах в спальне и в коридоре – несколько плакатов с обнаженными позирующими мужчинами, явно призванными привлечь внимание человека с гомосексуальными наклонностями. В квартире нашлось несколько пустых банок из-под пива и много грязной посуды, а также большое количество порнографических видео, снятых в основном в Калифорнии. Сре-

ди фильмов Дамера – «Коктейлс», «Высокий, темный и красивый», «Зажигай», «Суровые парни – 2», «Суровые парни – 3», «Стриптиз» и «Волна тропической жары». Всего два видео оказались неэротического содержания, их названия несколько раз будут упомянуты на суде: «Экзорцист – 2» и «Звездные войны: Возвращение джедая». Как ни странно, на видеокассетах также нашлись лекция об эволюции и эпизод шоу Билла Косби.

В кухне на полу стояли четыре бутылки с соляной кислотой. В холодильнике, помимо уже упомянутой головы чернокожего мужчины, на дне обнаружили несколько капель крови, а в морозильной камере – три полиэтиленовых пакета. В двух из них хранились человеческие сердца, а в третьем – кусок мышечной ткани. У другой стены на полу стояла еще одна морозильная камера, в которой были найдены три человеческие головы и пластиковый пакет с человеческим торсом внутри. На дне камеры был еще один пакет, в котором, по-видимому, находились куски плоти и различные внутренние органы; впоследствии подозреваемый сообщил, что он пролежал там несколько недель, потому что примерз и Дамер не мог оторвать его ото льда. Судмедэксперт решил, что всю морозильную камеру нужно запечатать, увезти вместе с остальными предметами и осмотреть более детально.

В коридоре стоял комод, в котором, помимо постельных принадлежностей, нашлись некоторые химические вещества (формальдегид, эфир, хлороформ); на полке стояли два вы-

беленных черепа. На полу за комодом – большой алюминиевый чайник с двумя человеческими руками внутри, очевидно принадлежащими одному человеку, так как они были очень похожи, и человеческие гениталии, включая пенис, яички и часть, покрытую лобковыми волосами. В спальне – односпальная кровать с матрасом, залитым кровью, также немного крови было найдено на наволочке и стенах вокруг. Большой нож, о котором Трейси Эдвардс предупреждал полицейских, все еще лежал под кроватью, сверху на нем – фотоаппарат марки «Полароид». Рядом с кроватью стоял металлический шкаф. В верхнем его ящике были найдены три человеческих черепа, лежавшие на черном полотенце. Полицейские отметили, что те выкрашены в зеленый цвет, а сверху покрыты черными пятнами, но судмедэксперт сообщил, что черепа окрасили и отшлифовали до «темно-серой структуры, напоминающей мрамор», а полотенце, на котором они покоились, было темно-синего цвета. В нижнем ящике этого шкафа хранился полный скелет человека, а перед ним лежали два бумажных пакета: в одном из них обнаружили высушенные останки человеческого скальпа, а в другом – еще один набор гениталий, также высушенных и мумифицированных.

На полу рядом со шкафом стояла коробка с крышкой из пенополистирола, в которой были найдены еще два черепа, а в дальнем углу комнаты – синяя пластиковая бочка, плотно закрытая черной крышкой, объемом примерно 216 литров,

которая позднее была открыта частным подрядчиком, нанятым отделом пожарной охраны по работе с опасными материалами. В ней обнаружили три человеческих тела на разных стадиях расчленения и разложения. В комод, который увидел открытым Рольф Мюллер, когда впервые вошел в спальню, хранились фотографии особо отталкивающего характера. После пересчета всего их оказалось семьдесят четыре.

Все вещи, хоть как-то связанные с жизнью Джеффри Дамера, были промаркированы, каталогизированы и с особой тщательностью и осторожностью отправлены на изучение. Фотоальбом, черная керамическая кофейная чашка, пустая банка из-под пива «Будвайзер», пустая банка от рома «Парамаунт», пустой бумажный пакет для еды, лежавший на кофейном столике возле дивана в гостиной, – хрупкие, немые осколки жизни обычного человека, соседствовавшие с чем-то зловещим и из-за этого попавшие под пристальное внимание. Четырехлитровая банка отбеливателя «Клорокс» уже казалась не просто обычным моющим средством, как это могло быть в любом другом случае, а бутылка средства «Одорсорб» говорила о том, что в данном месте ее назначение – бороться с неприятным запахом разложения. Вероятно, аналогичной цели служили и ароматические палочки.

В квартире было найдено пятьдесят конвертов, купленных в магазине «Вулвортс», тюбик средства от прыщей, набор для бритья, зубная щетка «Орал-Би», бланк на аренду квартиры № 213, библиотечный билет на имя Джеффри Да-

мера и пара мужских черных нейлоновых шорт. Визитная карточка на имя доктора философии Лайонела Дамера доказывала, что у подозреваемого была семья, – а различные удостоверения личности на полу в кухне, в спальне, в шкафах и комодах красноречиво сообщали имена тех, кому принадлежали найденные в квартире головы и конечности, показывая, что все они когда-то были живыми людьми. Удостоверение личности на имя Оливера Лейси, права, выданные в штате Висконсин на имя Тони Хьюза, и права, выданные в штате Иллинойс на имя Джозефа Брэдхофта, стали первыми уликами в расследовании, а поскольку на удостоверении личности Оливера Лейси сохранилась фотография, именно его тело смогли опознать первым; с его имени и будет начинаться перечисление всех жертв Дамера в деле. Именно голова Лейси лежала в коробке в холодильнике, его сердце было в пакете, и его скелет хранился в морозильной камере.

Значение некоторых из вещей будет раскрыто гораздо позже. К примеру, изначально под подозрением оказалась игла для подкожных инъекций, в то время как набор для мытья контактных линз выглядел совершенно безобидным, – но в итоге окажется, что и то, и другое сыграло свою роль в диком беспорядке, который творился в жизни Дамера. Из гостиной также забрали две пластиковые фигуры, изображавшие горгулий, устойчивые к химикатам перчатки, которые лежали рядом с галлонами соляной кислоты и шестью коробками очистителя марки «Сойлекс». Оставалось неясным

назначение сверл на 9,5 мм и на 1,6 мм, в то время как цель, для которой использовались молоток и ножовка, не вызывала никаких сомнений. И все же нашлось кое-что, что, в отличие от всех этих ужасных, сводящих с ума предметов, наводило на мысль о доброте и порядочности. Например, Библия в версии Короля Иакова, аудиокассеты с научными материалами и Библией, а также кассеты с такими названиями, как «Потоп. Книги Бытия», «Библия, наука и возраст Земли». Обнаружили аудиокассету, подписанную как «Нумерология и объяснение Божественного треугольника», и набор обучающих книг и аудиокассет на латыни. Наконец, нашли четыре книги с информацией по уходу за рыбками и аквариумом, а также и сам красивый, чистый и ухоженный аквариум, полный живых растений и эффектных экзотических рыб.

Пока сотрудники полиции осматривали, изучали и фотографировали находки, зазвонил телефон Джефффри Дамера. Ответил детектив Майкл Дубис. На проводе был отец Джефффри, Лайонел Дамер, который звонил из Питтсбурга, штат Пенсильвания, где он тогда работал. В течение нескольких дней он безуспешно пытался связаться с сыном. Что-то случилось? Детектив Дубис заверил доктора Дамера, что его сын жив, здоров и находится в полной безопасности. Он не стал рассказывать, почему в квартире обыск, но пообещал, что кто-нибудь из бюро уголовных расследований обязательно свяжется с доктором Дамером чуть позже. Отец Дамера всегда переживал, что неприспособленность Джефффри к

реальной жизни и действительности приведет к катастрофе. У его сына и раньше были проблемы с полицией: Джефффри Дамер обвинялся в непристойном поведении и нападении на несовершеннолетнего, и доктор Дамер просил властей приглядывать за сыном. Похоже, опять что-то случилось, Джеффф снова что-то натворил! Но даже в своих самых худших кошмарах спокойный и скромный химик-технолог не мог вообразить того, что «натворил» его сын.

В тот момент никто даже не догадывался, что полиция уже трижды навещала квартиру № 213 дома № 924 на 25-й Северной улице, и по крайней мере один раз в соседней комнате в это время точно находился труп. Еще более пугающий факт – одну из жертв полицейские самостоятельно передали в руки Дамера. Но все это нам еще только предстоит узнать. В этой поразительной истории совпадений, иронии и неприятных сюрпризов гораздо больше, чем нужно, и все они еще дождутся своего часа. На данный момент довольно удивительной была образовавшаяся пропасть, которая отделяла Джефффри Дамера от всех тех ужасных деяний, в которых он быстро и честно признавался. 23 июля детектив Деннис Мёрфи выслушал большую часть признания Дамера: в общей сложности их общение в течение всего дела длилось примерно шестьдесят часов.

Мёрфи – солидный и надежный человек, невозмутимый, разумный и порядочный; он сумел быстро установить доверительные отношения с подозреваемым, что позволило им

обоим расслабиться в эпицентре этих жутких событий. Дамер ему понравился. Он ценил его откровенность, отсутствие лукавства и присущее ему чувство стыда. Они оба были скрытными и сдержанными. И хоть Дамер внешне и не проявлял эмоций, говорил ровным и монотонным голосом, из-за чего казался черствым и безразличным к тем ужасным деяниям, которые он совершил, детектив Мёрфи чувствовал, что причина оскорбительного безразличия Дамера – неспособность выразить чувства, а не грубое отрицание своих поступков. Три дня Мёрфи разговаривал с подозреваемым с глазу на глаз. Детектив, как и несколько психиатров, которые позже допрашивали Дамера, вполне естественно приобрел привычку называть своего собеседника «Джефф» (позже одного из психиатров упрекнули за это на суде). Как станет понятно в дальнейшем, одной из характеристик аберрантного² психического состояния определенного вида является то, что у человека полностью подавляются все эмоции до тех пор, пока они не исчезнут совсем. Деннис Нильсен, еще один убийца, признанный виновным в совершенных им преступлениях, поразительно схожих с теми, в которых обвинялся Дамер, так размышлял о своей судьбе: «Природа не предусматривает духовной смерти»³.

² Отклоняющегося от нормы. (*Прим. ред.*).

³ Из дневников Денниса Нильсена. – Здесь и далее цит. по: *Мастерс Б. Убийство ради компании. История серийного убийцы Денниса Нильсена* (М.: Эксмо, INSPIRIA, 2021).

В течение двух следующих недель Дамер просмотрел множество фотографий пропавших без вести людей с целью опознать тех, которые погибли от его рук. Это была главная задача детектива Мёрфи, часть поставленной перед ним цели. Дамер с фанатизмом старался отыскать всех своих жертв – это стало вопросом его самоуважения. Он не отдыхал и не спал, пока не определили имя последнего из них. Почему для него было так важно снова найти этих людей? По его словам, «чтобы успокоить родителей».

– Я хочу сказать, – я понимаю, что это мало, ничтожно мало, но я не знаю, что еще я могу для них сделать. По крайней мере, хотя бы это я могу, – говорил он.

Ему не хотелось, чтобы родители пропавших без вести молодых людей страдали на протяжении долгих лет, он хотел хотя бы просто рассказать им, что произошло, «потому что я виновен в этом кошмаре и хочу сделать все, чтобы положить ему конец, чтобы все это окончательно завершилось». Детективы Мёрфи и Кеннеди в попытке проверить правдивость слов Дамера намеренно добавили фотографии нескольких молодых людей, которые точно были живы на тот момент. Глядя на фото тех, кого он ни разу не видел, он, не колеблясь ни секунды, заявлял об этом – так с его помощью и были проведены все опознания. На самом деле некоторых из жертв Дамера никогда бы и не смогли отыскать без его помощи; кроме документов в стоматологических архивах, по которым смогли опознать часть найденных черепов, Дамер

был фактически единственным источником информации в расследовании.

Джефффри Дамер убил семнадцать человек. Два первых убийства не стали поводом для предъявления обвинений: первое – потому что жертва была убита в штате Огайо, то есть там, где не распространялась юрисдикция штата Висконсин, второе – потому что не было никаких доказательств совершенного преступления: ни человеческих останков, ни записей о случившемся, только удостоверение личности, найденное по фотографии жертвы.

25 июля 1991 года, через два дня после задержания, Дамеру предъявили обвинение по четырём пунктам статьи об умышленном убийстве первой степени и задержали под залог в миллион долларов. 6 августа предъявили обвинения в ещё восьми убийствах, и сумма залога возросла до пяти миллионов долларов. 22 августа добавились три последних обвинения – всего пятнадцать. В уголовном деле они были указаны как два пункта обвинения в убийстве первой степени и тринадцать пунктов обвинения в умышленном убийстве первой степени, но разница заключалась лишь в формулировке; это были одни и те же преступления, но до совершения Дамером третьего убийства в штате Висконсин изменили номенклатуру.

Так выглядели голые факты предъявленных ему обвинений:

1. Поздно ночью 17 января 1988 года Джефффри Дамер

встретил молодого мужчину, которого звали Джеймс Доксатор, и убил его в доме своей бабушки в городе Вест-Эллис. Мать Доксатора сообщила о его пропаже 18 января 1988 года.

2. Примерно через два месяца, 27 марта 1988 года, Джефф Дамер встретил Ричарда Герреро возрастом двадцать три года и убил его в доме своей бабушки. 29 марта его отец, Пабло Герреро, сообщил о пропаже Ричарда в полицейское управление Милуоки и разместил в местной прессе фотографию своего сына. Никаких известий о нем не поступало.

3. Год спустя, 25 марта 1989 года, Джефф Дамер встретил двух мужчин возле бара «Клетка» во время закрытия: белого мужчину по имени Джефф Коннор и двадцатичетырехлетнего чернокожего мужчину по имени Энтони Сирс. Подходящим был именно Сирс. Коннор отвез их обоих на угол Линкольн и 56-й улицы в Вест-Эллисе, и уже оттуда Сирс и Джефф Коннор отправились в дом Кэтрин Дамер, где Дамер и убил его. Его череп, скальп и гениталии были обнаружены в квартире Дамера во время ареста, они хранились там больше двух лет.

4. 20 мая 1990 года Дамер встретил тридцатитрехлетнего мужчину по имени Рэймонд Смит, опойл таблетками, а затем задушил в своей квартире. Один из раскрашенных черепов, который обнаружили при аресте Дамера, был идентифицирован как череп Смита.

5. 24 июня 1990 года Дамер встретил двадцатисемилетнего чернокожего мужчину, Эдварда Смита, в баре «Феникс». Они поехали в квартиру Дамера на такси, занимались вместе оральным сексом, затем Дамер накачал Смита таблетками и задушил. Никаких останков Эдварда Смита обнаружено не было.

6. У входа в книжный магазин на 27-й Северной улице, в котором продавалась литература для гомосексуалистов, в начале сентября 1990 года Дамер заговорил с двадцатитрехлетним чернокожим мужчиной из Чикаго – Эрнестом Миллером. Миллер согласился поехать с Дамером к нему в квартиру, где и был убит. Его череп был раскрашен, а скелет сохранен целиком для последующего использования. И то, и другое обнаружили в день ареста Дамера.

7. Три недели спустя Дамер встретил Дэвида Томаса, двадцатидвухлетнего чернокожего мужчину, и убил его в своей квартире. На следующий день тело Дэвида Томаса было разделено на куски, а сам процесс запечатлен на фотоаппарат. Никаких останков обнаружено не было. 24 сентября девушка Томаса сообщила о его пропаже, а сестра опознала мужчину по фотографиям, которые сделал Дамер во время расчленения.

8. 17 февраля 1991 года Дамер познакомился с семнадцатилетним чернокожим парнем по имени Кёртис Страугерт и убил его, задушив кожаным ремнем, а затем расчленил тело. Дамер сохранил его череп, руки, гениталии и сфото-

графировал их. Они нашлись в квартире в день ареста. О пропаже Страугерта сообщила его бабушка, череп молодого человека смогли идентифицировать по стоматологическим записям.

9. 7 апреля 1991 года, незадолго до своего девятнадцатого дня рождения, на 27-й улице возле книжного магазина, где продавалась литература для гомосексуалистов, с Дамером заговорил темнокожий мужчина по имени Эррол Линдси и пошел с ним в его квартиру. Дамер накачал Линдси таблетками и задушил, а затем содрал с тела кожу, которую потом хранил в течение нескольких недель. Череп обнаружили во время ареста, его также смогли идентифицировать по стоматологическим записям.

10. Тони Хьюз, глухонемой чернокожий, был на год старше Дамера. Они познакомились 24 мая в клубе «219» и общались с помощью переписки, хотя Хьюз немного умел читать по губам. Дамер накачал его таблетками, задушил и оставил тело в своей спальне на три дня. Его личность была установлена по одному из черепов и стоматологическим записям.

11. 27 мая возле торгового центра на Гранд-авеню Дамер встретил четырнадцатилетнего Конерака Синтасомфона, сына эмигрантов из Лаоса, и предложил ему деньги, чтобы тот мог вернуться домой. Конерак согласился. Он позировал Дамеру в нижнем белье для двух фотографий, затем его накачали таблетками и убили.

12. Прошел месяц, прежде чем Дамер снова совершил убийство. 30 июня он отправился на гей-парад в Чикаго и после на автобусной остановке познакомился с двадцатичетырехлетним чернокожим мужчиной, которого звали Мэтт Тёрнер. Он пригласил нового знакомого в Милуоки. Они ехали на автобусе, принадлежавшем компании «Грей-хаунд», а затем на такси добрались до квартиры Дамера, где тот и задушил Тёрнера. Голову жертвы нашли в морозильной камере, его внутренние органы обнаружили в пакете, примерзшем ко дну, а торс Тёрнера находился в бочке, которая стояла в спальне.

13. Также в Чикаго неделю спустя в гей-баре «Кэролз» Дамер встретил Джереми Вайнбергера – двадцатитрехлетнего пуэрториканца с еврейскими корнями. Они поехали в Милуоки на автобусе, а затем на такси до квартиры. На следующий день, 6 июля, Вайнбергер уже считался пропавшим без вести, но все еще находился дома у Дамера и был жив. Только на третий день Дамер убил его. Невероятные подробности этих двух дней, которые они провели вместе, не разглашались до суда. Голова Вайнбергера была найдена в морозильной камере, а торс – вместе с торсом Тёрнера в синей бочке в спальне.

14. 15 июля на 27-й улице Дамер познакомился с Оливером Лейси, чье имя позже первым запишут в списке жертв в деле о расследовании убийств, совершенных Дамером. Лейси был двадцатичетырехлетним чернокожим мужчиной. Да-

мер накачал его таблетками и задушил. Он сделал множество фотографий своей жертвы до и после ее обезглавливания. Его голову и скелет нашли в морозильной камере, а сердце – в холодильнике.

15. Четыре дня спустя, 19 июля, Дамер познакомился с белым мужчиной по имени Джозеф Брейдхофт из Гринвилла, штат Иллинойс. Убийца накачал Брейдхофта таблетками и задушил. Дамер оставил его на два дня на накрытой простыней кровати. Когда же через три дня Дамера арестовали, голову Брейдхофта обнаружили в морозильной камере, а торс – в стоящей в спальне синей бочке объемом 216 литров вместе с торсами Тёрнера и Вайнбергера.

За день до того, как Джефф Дамер выпрыгнул из автобуса, чтобы заманить Джозефа Брейдхофта в свою квартиру, он поговорил с Трейси Эдвардсом – молодым человеком, благодаря которому и произошло его разоблачение. Они снова встретились 20 июля – на следующий день после смерти Брейдхофта. Два дня спустя Эдвардс согласился пойти домой к Дамеру, из-за чего и стали известны все драматические события той ночи, описанные выше. Рассказ о том, как именно произошла их встреча и к чему она привела, относится к более позднему этапу повествования, так как мы пытаемся понять, что привело Джеффа Дамера к такому состоянию. Как позже был вынужден подчеркнуть его адвокат, Эдвардс был важным свидетелем: он один мог рассказать о

том, как вел себя Джефф Дамер, когда собирался кого-то убить (хотя, как нам позже станет известно, были и другие, кто проводил время с этим человеком и выжил). Именно по этой причине его доставили в Милуоки для дачи показаний, и именно поэтому его в такой грубой форме допрашивал адвокат стороны обвинения.

Есть определенная причина того, что прискорбные судьбы этих пятнадцати человек мы свели к холодному изложению фактов на страницах выше. О каждом из них можно сказать гораздо больше – так мы и сделаем. Можно подробнее рассказать о том, каким жестоким унижениям они подверглись как до, так и после смерти – это также нас ждет впереди. Но все это вызовет чувство ужаса и отвращения, а подобные эмоции – плохая основа для рассуждений и точной оценки результатов. Вопрос об ответственности Дамера за все, что он совершил, зависит от того, насколько он мог контролировать свое поведение. Обвинение утверждало, что он всегда полностью контролировал и себя, и все, что происходило вокруг, – другими словами, был черствым и хладнокровным убийцей. Защита соглашалась с тем, что Дамер был эгоистичен, но считала, что он ничего не мог с этим поделать, так как находился во власти безжалостного и пожирающего его чувства принуждения. У обеих точек зрения имелись аргументы в свою пользу.

С одной стороны, очевидно, что Дамер старательно выбирал себе жертв и с особой тщательностью планировал убий-

ства – свидетельство преднамеренности и обдуманности его поступков. С другой стороны, столь же ясно, что инциденты происходили все чаще и чаще, пока в конце концов не стали «наступать друг другу на пятки» – свидетельство принуждения. Чтобы осознать, что именно преобладало в его поступках, читателю предстоит тщательно изучить этот список чудовищных деяний и в то же время заставить себя думать и чувствовать как Дамер: это позволит понять, почему он дошел до такой степени морального разложения и извращенности. Другими словами, за монстром нам необходимо рассмотреть человека.

Я понимаю, что это крайне опасная затея, и многие решат, что лучше остерегаться таких вещей, а не рассматривать их пристально. Намного проще ткнуть пальцем и назвать Джеффри Дамера дьяволом, чем включить собственное воображение для исследования его внутреннего мира. Так происходит, потому что воображение является отражением самой личности, и даже предположение о том, что человек может понять мир Дамера, означает признать его *сходство* с собой вместо того, чтобы радостно твердить о ваших *отличиях*. Но как еще мы можем понять его, кроме как извлекая на свет те самые крупницы узнавания? Читатель должен стать кем-то вроде психотерапевта, который в работе «опирается на свои собственные психологические характеристики», – иначе он будет вынужден барахтаться в успокаивающем его бульоне

«объективности»⁴. Страх, лежащий в основе этой нерешимости, представляет собой боязнь посмотреть на ту часть человеческой природы, которая не только пугает, но и разделяет людей. Как осторожно выразился Колин Уилсон: «Наш интерес к убийству сродни пробуждению во сне»⁵.

Человек уникален среди всех остальных видов тем, что иногда убивает под воздействием импульса без социальной или биологической на то выгоды, а просто ведомый некой силой, страстью. Дамер часто использовал слово «похоть», когда рассказывал о своих преступлениях. Этолог Нико Тинберген так размышлял над этой необъяснимой загадкой: «Человек является единственным видом, способным на массовое убийство, – писал он, – единственным отклонением от нормы в созданном им самим же обществе. Почему так?» Очевидно, что в зале суда нам не удастся найти ответ на этот вопрос: с ним не могут справиться даже данные психиатром определения. Это в первую очередь философский вопрос, и поэтому на него нельзя ответить, пока каждый из нас не приложит определенные усилия к поиску ответа.

Эрих Фромм убедительно перечислял потребности человека; в числе них – стремление иметь объект поклонения, способность общаться, тяга к единству и родству, желание проявлять эффективность и необходимость побуждения к действию. На каждую из этих потребностей можно взглянуть

⁴ Laing, R. D., *The Divided Self*, с. 25.

⁵ Wilson, Colin, *A Casebook of Murder*, с. 23.

как с положительной, так и с отрицательной стороны. Объектом поклонения может стать Бог, любовь и истина; но также оно может быть направлено на какие-то извращенные цели. Стремление к единству и родству можно выразить с помощью доброты и альтруизма или зависимости и разрушений. Одни находят проявления единства и родства во взаимном сотрудничестве и мистическом опыте, а другие – в пьянстве, наркомании и деперсонализации⁶. В каждом из перечисленных случаев Джеффри Дамер избрал отрицательный путь.

Это поднимает очередной сложный вопрос, который мы еще изучим на этих страницах. Нет никаких сомнений в том, что Дамер понимал разницу между добром и злом – он не был моральным идиотом. В суде многократно говорили о том, как он делал выбор, о том, что у него всегда была альтернатива, но он раз за разом поступал неправильно. Путаница в вопросах морали – характерная черта убийц подобного рода. Если бы Дамер был *аморальным* человеком, его случай не подвергся бы подробному изучению, так как нельзя извлечь уроки из страницы, на которой ничего не написано. Тот факт, что он все-таки обладал *моральными* принципами, но совершил *безнравственные* поступки, ставит его на одну ступень со всеми нами даже несмотря на то, что он все-таки являет собой очевидное отклонение от нормы. Разница между нами, и Дамером заключается в степени, а не в сущности. Нас всегда обескураживает, что часто у убийцы име-

⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности, с. 340.

ется своя внутренняя моральная система, которой он вынужден подчиняться; «у него есть своя личная, индивидуальная этическая цель, которая остается неясной для окружающих и даже для него самого»⁷. Или, что кажется еще более немыслимым, по словам Мелани Кляйн: «Нельзя утверждать, что преступник не испытывает любовь, но она так глубоко похоронена и спрятана внутри него, что только подробный анализ может вывести ее на поверхность»⁸. Целью данного исследования и является найти тот ключ, который открывает путь к внутренней моральной системе и выявляет эту таинственную этическую цель.

Мотивы и поведение Джеффри Дамера были, безусловно, в высшей степени странными, но тем не менее не выходили за рамки понимания. Они отличались от наших собственных мотивов поведения своей силой, жестокостью, отталкивающим и возмутительным способом их выражения, но не своей сущностью. Они являют собой одни из самых гнусных и самых прискорбных деяний, которые только может совершить человек, но все же подобное, как бы ужасно это ни звучало, присуще всем людям. Колин Уилсон большую часть своей жизни посвятил исследованию этого феномена. «Изучение убийства, – пишет он, – не является изучением нормальной

⁷ Neville Symington, Response Aroused by the Psychopath, *International Review of Psycho-analysis*, т. 7, с. 294 (1980).

⁸ Melanie Klein, Love, Guilt and Reparation, цит. по: Symington, *International Review of Psycho-analysis*.

природы человека; это исследование человеческой природы, запятнанной действием, благодаря которому теперь ее можно увидеть на предметном стекле микроскопа»⁹. Эту концепцию *запятнанной человеческой природы* следует обязательно иметь в виду, пока мы все глубже и глубже спускаемся вместе с Дамером в его личный ад, потому что придет время, когда действия Джеффри начнут укреплять его веру. У каждого человека бывают темные, постыдные, омерзительные импульсы, в целом передающиеся по наследству в рамках нашего вида. Они проистекают из дионисийских¹⁰ по-

⁹ Colin Wilson & Patricia Pitman, *Encyclopedia of Murder*, с. 22.

¹⁰ Аполлон и Дионис являются противоположностями, представленными в греческой мифологии и, следовательно, в жизни людей. Первоначально бог земледелия Аполлон заботился о плодах, которые давала земля, и о высшем творении природы – самом человеке, уделяя особое внимание переходу из юности в зрелость. Изначально его считали богом пророчеств, о чем часто упоминалось в песнях, со временем он стал богом музыки и искусства в целом. Дионис считался богом растительности и плодородия, и в особенности богом виноделия. В Древнем Риме он был известен как Вакх. Дионисийским фестивалям были присущи оргии и чрезмерная распушенность, вплоть до поедания сырого мяса только что принесенного в жертву животного. Следовательно, несмотря на то что и Аполлон, и Дионис символизируют плодотворность человеческой сущности, они черпают свои плоды из разных источников. Аполлон, который всегда изображается как воплощение физической красоты и нравственной чистоты (лучшая его статуя – Аполлон Бельведерский в Ватикане), олицетворяет все лучшее, чего может достичь человеческая сущность посредством контроля, порядка, дисциплины, сдержанности, господства над собой и своими порывами. Моцарт, Бах, Микеланджело – типичные его представители. С другой стороны, Дионис показывает нам, на что способна человеческая природа – необузданная, безудержная, спонтанная и свободная, – когда она предоставлена сама себе. Первобытная музыка и страстная поэзия – прерогатива Диониса, а театр, где можно смело выражать

рывов к трагедии, разрушениям и анархии, которые должны контролировать структуры цивилизации, включая религию и мораль. Неоспоримо то, что эти дикие, иррациональные побуждения присутствуют у каждого; но также очевидно и то, что, к счастью, они сдерживаются саморегулированием. В случае Дамера ограничения перестали действовать, оковы пали, и Дионис вырвался на свободу.

Мы снимаем с себя часть ответственности, если отказываемся признать Диониса, когда видим его, – ибо это отказ принять самое себя. Сидя в своей камере в ожидании суда в 1983 году, Деннис Нильсен, убивший пятнадцать человек, написал следующее:

Меня всегда искренне изумляло, что кого-то может привлекать нечто столь ужасное. В основной своей массе люди не являются ни «нормальными», ни «обычными». Их как будто держит вместе только коллективное непонимание себя самих. Абсолютно у всех, у каждого из них, есть свои потаенные мысли и свои скелеты в шкафу. Их одержимость такими «типами» (замечу, довольно редкими), как я, заставляет их задаваться вопросом: как и почему человек может творить подобные вещи? И эти вопросы задевают некие темные струны в их душе. Полагаю, они чувствуют, что и сами могут быть способны на подобные действия, отчего презирают все, что

свои эмоции, – его дом. Аполлон – это классическая, неповрежденная красота; Дионис же инстинктивный, дикий и опасный. (Прим. авт., если не указано иное.)

напоминает им о собственной темной стороне. Обычная реакция толпы – прилив лицемерного осуждения, неизменно сопровождаемого желанием снова и снова обсуждать малейшие подробности дела в кругу друзей и знакомых¹¹.

Может показаться, что это не более чем выдуманные отговорки пойманного преступника, но тем не менее все это говорит о весомой точке зрения, которой невольно придерживался и Дамер. Ничего не зная о Нильсене и его деле, Дамер в своем признании часто упоминал о последствиях контакта со своей «темной стороной», а также удивлялся, что его арест привлек к нему столько нежелательного и неуместного внимания. И действительно, с августа 1991 до февраля 1992 года в кофейнях и барах Милуоки происходящее с Дамером стало чуть ли не единственной темой для разговоров. Однако почти все подобные беседы были абсолютно неинформативными. Психологическое дистанцирование, удушающим одеялом накрывшее город, ощущалось почти на физическом уровне. Гораздо проще заклеить человека чудовищными эпитетами! Чем меньше вы на самом деле знали о Джефффри Дамере, тем больше считали его уникальным воплощением зла.

Еще задолго до начала суда никто в принципе не стремился допустить, что Дамер был помешанным. Поскольку он не

¹¹ Письмо к автору, 6 июня 1983 года, цитата представлена в книге «Убийство ради компании».

утверждал, что слышит какие-то голоса или что его мучают галлюцинации, не бился о стены, не набрасывался на незнакомцев и по виду казался совершенно обычным человеком, все предполагали, что он абсолютно вменяем. Мягкость поведения Дамера и очевидное отсутствие характеристик, присущих «сумасшедшим», стали явными препятствиями в попытке изучить его жизнь и его личность. Для «ненормального» он выглядел слишком «нормально», оскорбляя всех таким своим поведением. С таким же успехом он мог быть футболистом, юристом или страховым агентом! Люди были не готовы представить, что безумие может протекать скрыто. Р. Д. Лэнг однажды буквально всполошил всех предположением, что явно здравомыслящие люди более опасны, чем психически нездоровые. «Когда я признаю кого-то сумасшедшим, – сказал он, – я недвусмысленно утверждаю, что этот человек душевнобольной, что он может быть опасен для себя и окружающих и что ему требуются лечение и уход в психиатрической больнице. Однако в то же время я осознаю, что, по моему мнению, есть и другие люди, которых считают вменяемыми, но чье сознание также радикально нездорово. Они могут быть опасны, но в обществе их не принято считать душевнобольными, и они, также по мнению общества, не должны пребывать в сумасшедшем доме»¹². Похожая идея – что, хоть Дамер и не был сумасшедшим, он был явно психически нездоров, – в конечном счете и станет центральной

¹² R. D. Laing, *The Divided Self*, с. 27.

линией защиты на суде, но каждый мог заметить, как присяжные сопротивляются этой мысли. Даже некоторые психиатры, задача которых – дать экспертные показания, твердо и упорно придерживались мнения о том, что он вменяем.

Что же следует из данного утверждения? Джефффри Дамер принимал душ, когда в ванной в это время лежали два трупа, и был в здравом уме. Он просверливал дыры в головах живых людей, чтобы сделать их своими верными товарищами, – также в здравом уме. В здравом уме он съел бицепс, который отбил, поджарил на сковороде и полил соусом. В здравом уме он часами лежал рядом с трупами, обнимал их и лелеял. И в здравом уме он хранил одиннадцать разных человеческих голов и два полных человеческих скелета для использования в своем самодельном святилище. Проблема заключалась в том, что, вдобавок ко всему, Дамер был вежливым, застенчивым, почтительным и услужливым, – такого молодого человека вы можете нанять в качестве помощника на огороде у своей бабушки. Фантазии такого уровня пока что безопасны; они не угрожают нашему внутреннему равновесию. А вот позволить воображению двинуться дальше и визуализировать тот ад, в котором жил Джефффри Дамер, – значит инфицировать свое сознание фантазиями куда более отвратительными. И поэтому, даже несмотря на то, что его долгое время изучали детективы, психологи, судебные психиатры, адвокат, судья и присяжные, он все равно оставался жить в своем личном, непостижимом для всех остальных мире, изо-

лированном и недоступном для окружающих. Ему было действительно безразлично, отправят его в тюрьму или в психиатрическую клинику на всю оставшуюся жизнь. Тюрьма, в которой был заперт его разум на протяжении долгих лет, уже была одновременно и жестокой, и пугающей. Несколько лет квартира № 213 хранила в себе большое количество как страшных воспоминаний, так и реально видимых ужасов. Он жил в окружении человеческих останков, рядом с ними спал, среди них ел.

– Можно сказать, это похоже на ночной кошмар, – говорил он. – Кошмар, который длился долгие годы еще до того, как меня поймали... Очевидно, что много лет мой разум был наполнен ужасными, чудовищными мыслями и идеями... настоящий кошмар.

Во время допроса в полиции Дамер отказался от своего права на адвоката. Он заявил, что мечтает сбросить с себя этот тяжкий груз и не хочет ничего скрывать. Лайонел Дамер нанял Джеральда Бойла, чтобы тот вел дело его сына, в основном из-за личного знакомства: Бойл уже защищал Джеффа в 1988 году. Кроме того, все знали, что Бойл всегда старается лично общаться с присяжными в зале суда, дает им понять, что он один из них, – обычный парень, который просто выполняет сложную работу. Заключительные речи Бойла славились риторической яркостью, эмоциональной дерзостью и здравым смыслом. Противостоял ему окружной прокурор Майкл Макканн, добрый и сострадательный человек,

ясно осознававший порученное ему бремя – представить общество и выразить его возмущение. Он тщательно готовился, был беспощаден во время представления материалов дела и казался неумолимым. Эти двое много лет знали друг друга, оба баллотировались на должность окружного прокурора в 1968 году; Макканн занимал этот пост до сих пор.

Бойл немедленно попросил доктора Кеннета Смейла оценить состояние Дамера и высказать свое мнение относительно его способности выступать. Смейл заявил, что с подозреваемым все в порядке. Команда Макканна, которая работала вместе с детективами, приступила к сбору всех возможных деталей и фактов правонарушений Дамера. Команда Бойла же сконцентрировалась на его сексуальной истории и на истории его злодеяний для того, чтобы выстроить портрет человека, которого все считали безумным убийцей. Помимо обстоятельств его преступлений, ни один из них не хотел ничего больше о нем знать. Однако помимо того, что уже было сказано, узнавать оказалось особо и нечего. Джефф не отличался умом, мало что сделал, мало чего добился, мало о чем мог поговорить. В его жизни, помимо совершаемых им преступлений, не происходило никаких событий.

Но что-то здесь не складывалось. Ведь обязательно должен существовать зародыш его патологии, какое-то семя, из которого и выросло это ядовитое дерево. Его поведение с людьми, которых он встречал, а затем убивал, было настолько необычным, что могло проявиться только в результате ка-

кой-то травмы, возможно, даже похороненной где-то вне досягаемости его сознательного разума. Согласно одной точке зрения, наше сексуальное поведение является символическим повторением нашего самого раннего тактильного существования в мире, «сакрального действия исчезнувших реальностей»¹³. Сексуальное мышление Дамера было настолько наполнено символизмом и ритуалами, настолько фактически ими искажено, что просто невозможно представить, что все они возникли из ниоткуда и развились случайно. Эти «исчезнувшие реальности» должны быть спрятаны где-то в событиях его прошлого, которые, скорее всего, он едва ли мог вспомнить и еще сложнее восстановить в памяти.

Джефф Дамер был с этим не согласен. Он считал, что внутри него нет ничего, кроме скуки и отчаяния:

– Я не мог найти никакого смысла в жизни, когда был там, на свободе. И я чертовски уверен, что не найду его и здесь.

Стоит ли рассказывать его историю? Сам он не видел в этом особого смысла:

– Это грандиозный финал жизни, потраченной впустую, а ее конечный результат оказался крайне удручающим... это просто история больной, незавидной, печальной, жалкой судьбы, вот и все. Понятия не имею, как это сможет хоть кому-то помочь.

¹³ Camille Paglia, *Sexual Personae*, с. 4.

Глава 2

Детство

Вскоре после того, как Лайонел Герберт Дамер и Аннетт Джойс Флинт поженились 22 августа 1959 года, появились первые звоночки того, что союз этот будет нелегким. Они практически сразу начали спорить и препираться. Однажды новогодним вечером, когда земля уже была по колено в снегу и пронизывающий ледяной ветер с озера Мичиган, который мог запросто отморозить любому уши, беспрепятственно гулял по широким улицам Милуоки, Джойс босиком выбежала из дома и пешком прошла четыре квартала до парка. Дрожа, она сидела на скамейке, пока Лайонел не пришел за ней, продемонстрировав тем самым свою любовь и внимание. В тот момент Джойс уже была беременна¹⁴.

Как и у многих семей в пивной столице Америки, у Лайонела и Джойс были немецкие корни. Семья отца Лайонела эмигрировала из Германии в девятнадцатом веке, а его мать в девичестве звали Кэтрин Хьюз, родом она была из Уэльса. В какой части Германии или в какой части Уэльса жили

¹⁴ Следует принять во внимание, что описание душевного состояния и характеристика Джойс Дамер по большей части были получены из показаний Лайонела Дамера, которые он дал во время бракоразводного процесса пары в 1978 году. В целях восстановления справедливости автор просил саму Джойс Дамер дать интервью, но ему было отказано.

его предки, Лайонел уже не знал. Родителями Джойс были Флинт и Кундберг, еще одно немецкое имя. Помимо немецкой крови, у молодоженов практически не было ничего общего.

Лайонел был тихим, холодным, сдержанным молодым человеком, строгим и прилежным в учебе. Он учился, чтобы получить степень бакалавра химии в университете Маркетт, ему было двадцать три года. Джойс (или «Рокки», как она предпочитала себя называть) была всего на несколько месяцев старше него, работала телефонным оператором и недавно продвинулась по службе, получив должность инструктора по телетайпу. В отличие от мужа, она была крайне эмоциональной. Лайонел анализировал, размышлял и делал выводы, Джойс же признавала истину, только испытав соответствующие эмоции, и никакие, даже самые убедительные, аргументы не могли поколебать убеждений, к которым таким образом пришла. Оба они были по-своему эгоцентричными – Лайонел, преданный своей карьере и учебе, не замечал эмоциональную хрупкость, Джойс же стремилась заставить окружающий мир считаться с ее желаниями. Сложно представить более яркий пример несовместимости.

В течение долгого времени Джойс упивалась жалостью к себе, но здесь ее не в чем винить. Она часто говорила, насколько одинокой и беспомощной ощущала себя в детстве, не понимая почему. Она очень рано познала чувство одиночества и лишь позже поняла, что отец казался ей безразлич-

ным, так как был серьезно болен. Он страдал от сильной алкогольной зависимости – и этот факт может оказаться важным в нашей истории: иногда алкоголизм передается по наследству. Пьянство отвлекало мистера Флинта от обычных семейных ценностей; в будущем алкогольная зависимость настолько сильно ослабит запреты в сознании его внука, что он станет убийцей.

Джойс решила, что больше никогда не станет страдать от пренебрежения. Но единственный способ справиться с этой проблемой, по ее мнению, – это требовать постоянного внимания и оценивать отношение людей к себе в зависимости от того, как они на это реагируют. Казалось, не будь к ней приковано чье-то внимание, она перестала бы существовать в принципе; ей было нужно всегда находиться под чьим-то пристальным взглядом, кто-то постоянно должен был ее внимательно слушать. Это стало серьезным препятствием, к которому Лайонел оказался не готов и которое по своей природе было ему чуждо. У него тоже был вспыльчивый характер, но он считал, что его, как потенциального врага, нужно держать под контролем, а не раз за разом использовать в качестве своего союзника.

Лайонел, в свою очередь, был так серьезно «женат» на своей работе, что проводил больше времени в лабораториях, чем дома, и не мог не показаться ранимой молодой жене безразличным.

Джойс забеременела через несколько дней после свадьбы

и дорого заплатила за бремя, которым оказался для нее ребенок. Практически весь февраль и март 1960 года она провела в постели, мучаясь от токсикоза, и была вынуждена бросить работу. Ее мускулы так сильно сжимались от спазмов, что их семейному доктору Дину Спайресу приходилось делать уколы, чтобы она могла расслабиться. Она горько жаловалась на шум от соседей – грохот чужих сковородок и кастрюль стал для нее буквально невыносим. Встревоженный Лайонел, не видя другого выхода, ради здоровья жены решил съехать с квартиры, и в марте, когда Джойс была на седьмом месяце беременности, они переехали к Кэтрин Дамер в Вест-Эллис. Возможно, нет ничего удивительного в том, что многие видят в поведении Джойс какое-то неосознанное негодование, связанное с тем, что ей пришлось делить внимание с еще не родившимся младенцем; тем не менее несомненная правда заключается в том, что мать Джеффри Дамера заболела, вынашивая его.

Ребенок родился в больнице Евангелистской Диакониссы в Милуоки 21 мая 1960 года в 16:34. Малыш примерно 3,1 килограмма и 47 сантиметров в длину, с каштановыми волосами и сияющими голубыми глазами (следует сказать, что оба родителя были удивительно красивыми людьми). Лайонел и Джойс были им очарованы, и в результате на короткое время их совместная жизнь стала счастливой. Джойс завела специальный альбом, в котором с любовью делала записи о каждой улыбке и каждом движении ребенка, отмечая, что ма-

лыш «заставил их поволноваться из-за того, что с рождения до четырех месяцев ему пришлось носить на ногах корректирующий гипс», но в итоге все закончилось хорошо. Единственное, до шести лет нужно было приподнимать ему каблук на обуви на два с половиной сантиметра. В остальном малыш был абсолютно здоров. Они называли его Джеффри Лайонел.

Ребенок был должным образом вакцинирован против оспы и полиомиелита (прививку от кори предстояло сделать, пока ему не исполнится три года) и впервые получил травму всего через несколько недель после рождения, когда упал с ходунков, ободрав при этом руки и повредив подбородок. Доктор Спайрес сказал, что у него останется небольшой шрам и таким образом он присоединится к большей части человечества, у которой есть ранние напоминания о шатком процессе развития. Первую улыбку Джеффа зафиксировали через несколько недель, впервые он встал без посторонней помощи в шесть с половиной месяцев, а когда ему исполнилось восемь с половиной месяцев, он уже ползал, и во рту у него показался первый зуб. В девять месяцев его даже отшлепали («два похлопывания по попке») и первый раз подстригли. В первый день рождения Джеффа в честь него устроили вечеринку. В общем, ничем не примечательные достижения красивого, здорового, обычного ребенка, которого впереди еще ждет долгое счастливое детство. Джефф рано начал проявлять интерес к животным, и в восемнадцать

месяцев ему уже завели золотую рыбку и черепаху. Его мать писала, что с черепахой он «обращался очень нежно», но так ведут себя многие дети, когда получают свой первый опыт общения с живым существом. Помимо общения с черепахой случилось еще кое-что. 25 ноября 1961 года была сделана запись о том, что Джефф впервые начал самостоятельно ходить. «Мне пришлось ловить его, чтобы уложить спать», — гордо сообщила Джойс.

Однако все было не столь гладко, как казалось. Джойс не слишком усердно кормила ребенка грудью. Необходимость соблюдения жесткого графика раздражала и нервировала ее, поэтому она отказалась от этого и перевязала себе грудь. Из-за этого они с Лайонелом поссорились, и она выбежала из дома. Лайонел нашел ее лежащей в высокой траве в одной ночной рубашке, и доктору Спайресу пришлось отругать ее за такое вздорное поведение и строптивость.

И действительно, на Западе тысячи матерей отказываются кормить детей грудью, не придавая этому большого значения, хотя на самом деле стоило бы, потому что никто в точности не знает, как влияет на ребенка такое внезапное прекращение постоянного контакта. Некоторые дети принимают разрыв легко, и бутылочка их успокаивает. Другие же могут почувствовать, что изменение их тактильного мира — это своего рода отвержение или внезапно возникшая дистанция, и они, очевидно, оказываются еще слишком малы для осмысления происходящего. В итоге они привыкают быть

отвергнутыми, привыкают к дистанции, и постепенно это чувство превращается в представление о том, какое место они занимают в этом мире. Такие дети начинают считать, что они заслуженно оказались в подобной ситуации, что такое положение вещей «правильно». Мать может и не задумываться о том, что отказывать младенцу в груди немилосердно по отношению к нему. Естественно, мы не можем сказать ничего о раннем эмоциональном развитии Джеффа, но знаем, что, будучи взрослым, он часто говорил о своем бессилии в ситуациях, когда нужно было справиться с чувством разочарования.

Когда Лайонел решил получить степень магистра аналитической химии в университете Маркетт, молодая семья вернулась в Милуоки. Было очевидно, что в этой ситуации переезд поближе к студенческому городку – разумный шаг, но тогда, как и позднее, речь шла об удобстве Лайонела. Джойс просто пришлось с этим смириться. В ответ она снова начала жаловаться, что ей мешают соседи. Любой шум, особенно если в нем были виноваты другие люди, очень ее расстраивал, казалось, она воспринимает это как личное оскорбление. Лайонелу постоянно приходилось разговаривать с соседями, жившими в том же доме; чтобы защитить здоровье своей жены, он просил их разговаривать тише – такие заявления окружающие, естественно, рассматривали как неоправданное вмешательство в их жизнь. Чтобы загладить за это свою вину перед Лайонелом, Джойс стала очень пе-

дантично вести домашнее хозяйство, следя за тем, чтобы все стояло на своих местах. Но, само собой, она ожидала похвалы за свои усилия. Ей постоянно требовалось подтверждение того, что ее действительно любят.

К тому времени, как Джеффу исполнилось два года, он уже заговорил. Он называл себя «Джеффи» и умел на пальцах показывать свой возраст. Он мог произнести слова «горшок», «вверх» и «телевизор» и уже через несколько месяцев выучил наизусть свою первую молитву (Лайонел был преданным и набожным лютеранином). Эта молитва звучала так: «Теперь позволь мне отойти ко сну, я молю Господа сохранить мою душу. Да благословит всех Бог. Пусть Джеффи будет хорошим мальчиком. Аминь».

В 1962 году Лайонел получил магистерскую степень и поступил в аспирантуру государственного университета штата Айова ради степени доктора философии. Это повлекло за собой очередной жизненный поворот для семьи: им снова пришлось переезжать. Они купили небольшой домик в городе Эймс, штат Айова. Мебели сначала практически не было (квартиру в Милуоки они снимали с мебелью), но Джефф не расстраивался по этому поводу. Джойс писала, что «он был очень доволен своей голой комнатой, в которой сидела только его собачка Мэгги и стояла кровать»; речь здесь идет о мягких игрушках, которые купила ему тетя Юнис, сестра Лайонела. У него также появился новый питомец – белка Джиффи, которая в поисках еды пришла к ним на подокон-

ник и в итоге осталась жить в доме. Есть фотография, где мать и сын вместе показывают Джиффи; развлечений подобного рода, конечно же, не было в Милуоки, и ребенок пребывал в полном восторге. Вскоре он начал наблюдать за всевозможными мелкими животными и насекомыми, пытаясь понять, что они делают.

Когда Джефф начал ходить в начальную школу в Эймсе, он, по словам его матери, был очень застенчивым. Это выражение она еще много раз будет использовать впоследствии. Поскольку его все время называли «новеньким», для себя он вообразил, что отныне это его имя в новой, необычной обстановке. Учительница подарила ему еще одного питомца – серую мышку, – но этого оказалось недостаточно, чтобы Джефф победил свою стеснительность, и школа абсолютно не привлекала его. Казалось, ему сложно общаться с другими мальчиками, он совсем не знал, как найти с ними общий язык; он был неловким, чувствовал себя не в своей тарелке. Он с трудом самостоятельно надевал и снимал ботинки, а педагоги ему не помогали. Он расстраивался и начинал из-за этого плакать.

В конце 1963 года его лечили от ушной инфекции, а также пневмонии, которая протекала в легкой форме. Родителей Джеффа предупредили, что нужно следить за состоянием его грыжи – может потребоваться операция. Через несколько дней после этого семья чудесно отметила Рождество, во время праздника Лайонел, к огромной радости маленького

Джеффа, нарядился Санта-Клаусом, и мальчик с удивлением трогал его искусственную бороду и накладной живот. Однако через несколько недель родителям стало ясно, что грыжу надо срочно лечить, и они с тревогой отправили маленького Джеффри в больницу. Случилось так, что ему пришлось провести две операции по удалению грыжи; подобное вмешательство крайне тяжело проходит даже для взрослого человека, а для четырехлетнего мальчика это и вовсе ужасно. Джеффри вспоминал, что, когда лежал в больнице, они вместе с другими детьми смотрели передачу, которая называлась «Заколдованные»; предположительно это было до операции. Саму операцию провели 19 марта 1964 года.

Все, что он чувствовал, оправившись от наркоза, — это сильная боль в паховой области. Двадцать семь лет спустя он расскажет доктору Джудит Беккер: боль была настолько сильной, что он даже подумал, что ему, должно быть, отрезали гениталии. Интересно, чувствовал ли он это на самом деле и как подробно ему объяснили, что это не так. Очевидно, он спрашивал свою мать, остались ли у него интимные органы, но мы не знаем, что она ему на это ответила. В своем дневнике она отмечала, что Джефф «отлично вел себя в больнице... [но] после этого испытания ему очень не нравился доктор». Джойс проводила с ним столько времени, сколько могла. Ночью он говорил ей: «Иди домой, мамочка, а я буду спать». Боль мучила его около недели, и он запомнил это навсегда. Учитывая беспокойный характер мальчи-

ка в будущем и яркую природу его проявления, можно задаться вопросом, не была ли эта операция слишком значимым событием в его жизни. Глубокий разрез в чувствительной области, проникновение в его внутренности, ощущение, что чужие руки вторгаются в твою личную жизнь, — все это еще после проявится неприятным образом. В течение долгого времени это оставалось самым интимным событием в его жизни.

У мальчика все еще не было друзей, он оставался на удивление застенчивым. Иногда Джойс приходилось отводить его в школу в таком несчастном и испуганном состоянии, что по пути он плакал. Когда Джеффу исполнилось пять лет, она перевела его в школу Уиттера, где в автобусе, каждый день отвозившем детей в школу, он сидел рядом с мальчиком по имени Кент. После этого знакомства он начал вместе с ним и другими мальчишками изучать окрестности. В их районе жили люди с низким уровнем дохода, под мостом проходил длинный туннель, и ребятам нравилось исследовать его, потому что он был темным и жутким. Он подружился с одним белым и с одним чернокожим мальчиком, которые жили по другую сторону от железной дороги; чтобы встретиться с ними, ему приходилось идти по туннелю. Дома находились далеко друг от друга, между ними пролегали большие расстояния, где стояли покинутые и заброшенные дома, в которых, как им казалось, больше никто не хочет жить. Искушение безнаказанно проказничать, бросая кирпичи в окна

пустых домов, а затем спасаясь оттуда бегством, было слишком сильным, чтобы ему сопротивляться, и однажды к двери дома Дамеров пришла полиция с жалобой, что маленький Джефф «состоит» в банде хулиганов. Лайонелу и Джойс было стыдно, но они только отругали сына. Никто его не бил.

– Когда я был маленьким, я был такой же, как все, – сейчас говорит он.

Он проводил много времени, играя среди яблонь или на кучах угля, приходил домой грязный, весь покрытый угольной пылью, и получал за это очередной выговор. На окраине Эймса находился исследовательский центр, где в научных целях содержали все виды сельскохозяйственных животных, и Джефф часто проводил время, наблюдая за ними. Позднее он понял: это было своего рода место радиационных испытаний, но в то время оно казалось ему волшебным миром живых существ. Люди, которые там работали, носили длинные резиновые перчатки до подмышек, и как-то он увидел человека, который засунул свою руку прямо внутрь коровы. Затем однажды он обратил внимание на большое, длинное заброшенное здание, ступени которого были усеяныдохлыми мышами и крысами. Им овладело любопытство.

– Я подошел и хотел проверить, не заперта ли дверь, и толкнул ее. Никогда в жизни не видел так много мышей и крыс, бегавших по углам. Весь пол находился в движении, там все было просто усеяно ими. Я довольно быстро убежал оттуда. И они тоже выбежали за дверь.

В щели одного из заброшенных зданий Джефф нашел гнездо шершней. Он велел маленькому чернокожему соседскому мальчишке просунуть руку и посмотреть, что внутри, сказав, что там, скорее всего, сидят божьи коровки. Мальчик послушался и был сильно ужален, а когда побежал домой, то рассказал матери, что его укусили божьи коровки.

– Это было подло. Думаю, мне тогда было четыре или пять лет.

И тем не менее его увлечение животными и насекомыми не ослабевало. Змеи, жабы, крабы, черепахи, рыбы, дикие кролики и котенок по имени Бафф будоражили его любопытство и пленяли воображение. Однажды они вместе с отцом ехали на велосипеде по парковке исследовательского центра, когда заметили нечто, похожее на шар пыли – по крайней мере так показалось Лайонелу. Но Джефф присмотрелся получше, и оказалось, что то был ночной ястреб. Они отнесли птицу домой.

– Он был для нас как домашний питомец. Подходил, когда мы его звали, ел из наших рук и тому подобное. Мы называли его Дасти.

Птица оставалась с ними, пока не окрепла достаточно, чтобы улететь, но тем не менее, по словам Джойс, «она откликалась на свист даже через три дня после исчезновения».

Примерно в то же время Джефф нашел под домом несколько костей, залез туда «ползком», достал их и решил, что они абсолютно потрясающие. Он называл их «смычка-

ми» и постоянно с ними играл. Держа в руках кого-то из своих животных, он чувствовал внутри них эти «смычки» и задался вопросом, похожи ли они на те, что уже были у него.

1969 год стал важным годом для семьи Дамеров. Во-первых, повысилась гиперчувствительность Джойс: усилилась депрессия, а вместе с ней и потребность в конфликтах. Чтобы получать удовлетворение от примирения с мужем, она ссорилась из-за пустяков. Также Джойс начала принимать таблетки в надежде стать поспокойнее и удваивала дозу, когда они не приносили ей желаемого результата. Был случай, когда она с помощью передозировки «Секоналом»¹⁵ пыталась покончить жизнь самоубийством, но возможно, что она просто без должной осторожности забросила большее количество таблеток себе в горло. Затем она стала пить «Мепробамат»¹⁶ три раза в день.

Джойс постепенно погружалась в отчаяние, а количество употребляемых ею лекарств тревожно увеличивалось в течение нескольких последующих лет. Она чувствовала, что Лайонел слишком поглощен учебой, чтобы заметить, насколько тяжелой может быть ее жизнь или как хорошо она обустроила для него дом. Если говорить честно, то Лайонел был невероятно перегружен, – кроме того, что он работал над полу-

¹⁵ Сильное успокоительное, барбитурат. (Прим. ред.)

¹⁶ Транквилизатор, характеризуется коротким сроком действия, малой эффективностью и относительно высокой токсичностью, в настоящее время не применяется. (Прим. ред.)

чением докторской степени, еще ему приходилось ездить по магазинам, потому что у Джойс не было водительских прав. Кроме того, он брал на себя бытовые обязанности, когда из-за нервного истощения или действия таблеток Джойс была не в силах с ними справиться. Иногда Джефф видел, что отец бил мать, когда она кричала, но чувствовал, что он делал это, только чтобы ее успокоить, и никогда не показывал гнев и не проявлял жестокость. Происходящие в доме сцены не были пугающими или необычными. Как ни странно, в докладе учительницы школы города Эймс было, хоть и бездоказательно, указано, что Джефф чувствовал себя покинутым. Возможно, его родители оказались настолько вымотаны и заиклены на своих собственных проблемах, что сторонний свидетель, особенно ребенок, мог запросто почувствовать себя лишним.

Джойс нашла два способа решения своих проблем. (Создается впечатление, что Джойс, более уязвимой и хрупкой в этой паре, приходилось самостоятельно искать выход из снедавшей ее депрессии и принимать решения, на которые Лайонел покорно соглашался, но она была не настолько здравомыслящей, чтобы отвечать за последствия своих поступков.) Во-первых, она открыла для себя Церковь Христа¹⁷, сама крестилась в этой вере, а также обратила в нее и своего

¹⁷ «Церковь Христа» – реставрационистская христианская конфессия, которая ставит перед собой задачу объединения христиан в одной Церкви на основе принципов первоначального христианства. Основана в США в XIX веке. (*Прим. ред.*)

мужа. По словам Лайонела, благодаря этому их совместная жизнь стала более тихой. Во-вторых, она заявила мужу, что хочет завести еще одного ребенка. Скорее всего, взвешивая все «за» и «против», Лайонел думал, что груз дополнительной ответственности может окончательно сломить жену, но, с другой стороны, допускал, что радость от нового ребенка позволит ей воспрянуть духом. Как бы то ни было, всегда легче уступить, а Лайонел мечтал о спокойной жизни. Поэтому они перестали предохраняться, и вскоре Джойс обнаружила, что снова беременна.

В это же время Лайонел получил докторскую степень и начал искать работу. Нашлось место химика-исследователя в «Питтсбург Плэйт энд Глэс Компани», но фирма была расположена в Огайо, и семье снова пришлось переезжать. Для Джеффа это значило, что ему придется расстаться со своими питомцами и больше он никогда их не увидит. Кошку Баффи пришлось продать. Ни матери, ни отцу Джеффри не сказал, что думает по этому поводу, и ни разу об этом не заговорил. Но вместе с этим он становился все более закрытым, замкнутым, отстраненным. Джефф одновременно унаследовал и отчужденность отца, и угрюмую обидчивость матери – все это постепенно уничтожало его собственную личность, как бы сводя ее на нет еще до того, как она смогла окончательно развиться. Как и его мать, он был крайне эгоцентричным; как и его отец, неестественно сдержанным. В результате он стал молчаливым и задумчивым.

Однако на тот момент ожидание младшего братика отвлекало Джеффа от заикленности на самом себе. Он очень хотел, чтобы это был мальчик, с которым они могли бы вместе играть, и, как писала своим родителям Джойс, «у него было много конкретных идей по поводу имени». Джойс прижимала его головой к своему животу, чтобы он мог почувствовать малыша внутри, а Джефф гладил животик, «чтобы ребенок знал, что у него есть брат». Скорее всего, он действительно ждал рождения братика и искренне благодарил мать за то, что она беременна!

В октябре 1966 года Дамеры переехали в маленький городок Дойлстаун в штате Огайо, а 18 декабря у них родился второй ребенок. Джефф, которому к тому времени уже исполнилось шесть лет, сам выбрал имя для своего брата – Дэвид. Уже до родов Джойс впала в депрессию, что несколько подорвало общую радость от происходящего, и Джефф замечал, что дома царит мрачная атмосфера. Однако у него появилось новое увлечение – Фриски, веселая и игривая собака, которую родители подарили ему, чтобы компенсировать утрату тех домашних животных, которых пришлось оставить.

– Было здорово иметь такого друга, – вспоминал он. – Мы ходили играть на луг, бегали повсюду, она была хорошей собакой.

Джефф не проявлял ни капли ревности к своему маленькому братику, хотя Джойс и боялась, что так может случиться-

ся. «Джеффу пришлось привыкать, — писала она, — но он любит Дэви и хорошо к нему относится. Но все-таки Фриски занимает главное место в его сердце. Они все время резвятся и играют».

Пребывание в Дойлстауне длилось недолго. Джойс снова заявила, что не может вынести шум, который исходит от соседей, и им нужно переехать. (Это была сельская местность, поэтому соседи должны были шуметь очень громко, чтобы их хоть немного было слышно.) Когда у нее заканчивались таблетки, она умоляла Лайонела принести еще. Джойс сжимала его запястья и говорила, что без них она не выживет. Покорный и встревоженный Лайонел нашел в аренду дом в Барбертоне, штат Огайо, и семья переехала туда через несколько месяцев после прибытия в Дойлстаун. К счастью, Джеффу не пришлось бросать Фриски. Новые соседи (которые, по-видимому, понравились Джойс) построили для собаки будку на заднем дворе.

Джеффу не понравилась школа в Барбертоне, и он не смог довериться своим новым друзьям. Кроме того, в это время произошел один инцидент, который представляет особый интерес по нескольким причинам. Несколько мальчиков «боролись» друг с другом, и кто-то в шутку предложил попробовать, каково это — попытаться задушить друг друга. Это довольно распространенная детская игра, которая предоставляет возможность интимного тактильного контакта и в то же время позволяет не чувствовать смущения,

связанного с поиском объекта привязанности. Это является начальной стадией переживания сексуального опыта – руки прикасаются к шее, ты чувствуешь чье-то близкое дыхание, испытываешь чувство таинственности и опасности, ожидаешь услышать упреки – хотя дети, конечно, неспособны распознать весь спектр подобных эмоций. Один маленький мальчик, которого Джефф считал довольно дружелюбным, предложил Дамеру попытаться задушить его и пообещал, что ничего не скажет учителю. Джефф взял мальчика руками за шею и сжал их. В это время другой мальчишка пошел прямо к учителю и рассказал обо всем, а Джеффа наказали десятью шлепками по заду. Мы не имеем здесь в виду, что от произошедшей ситуации Джефф почувствовал больше удовольствия, чем от обычной школьной шалости, и не будем допускать таких предположений. Здесь важно то, что он доверился мальчику, а этому не придали никакого значения, его доверие не оценили. Дамер вспоминает, что чувствовал себя «преданным».

Характерной чертой шизоидной личности является полная неспособность доверять кому-либо из страха, что его недооценивают и презирают; даже если его понимают и принимают, в своем сознании он все равно считает себя уязвимым, боится быть разоблаченным. Уже очевидно, что Дамер в детстве имел черты личности, которые можно характеризовать как шизоидные. Понятие доверия с первого дня жизни медленно развивается у ребенка путем проб и ошибок, оно

помогает ему осознать свое место в мире и свою ответственность перед ним. Человек крайне редко попадает в изолированное, полностью лишенное доверия шизоидное состояние, но посеять «семена» такого состояния легко, а их урожай в итоге бывает крайне разрушительным.

В школе Барбертона была учительница, которая нравилась Джеффу.

– Я в какой-то степени привязался к ней и подумал, что поймаю несколько головастика и подарю ей. Она поблагодарила меня и в целом вела себя так, словно это очень хороший подарок, и из-за этого я был счастлив.

Но через день или два он заметил, что их нет в классе.

– Мне было интересно, куда делись головастики. Раньше она держала их в школе на подоконнике, но затем они исчезли. Я подумал, что, возможно, она просто забрала их домой или куда-то еще.

После этого Джефф пошел в гости к своему другу, который был его ровесником и жил за домом, и там, в гараже, в том же самом контейнере он увидел головастика. Он едва ли мог в это поверить. Он снова почувствовал, что его предали, а затем разозлился. Он налил в емкость моторное масло и убил всех головастика. «Если они и ей не нужны, значит, они не нужны никому», – подумал он. Опять-таки здесь имеет значение не сама ситуация (двое мальчишек снова стали друзьями уже через несколько дней, а на поступок бестактного учителя он не обратил никакого внимания), а ее

тайный, скрытый, накапливающийся эффект.

Основным семейным развлечением в то время были совместные поездки куда-нибудь по воскресеньям. В основном они устраивались, чтобы порадовать Джойс, так как в противном случае она бы застряла дома еще на неделю, но мальчикам тоже это нравилось. Во время одной из таких поездок они отправились в поселок Бат в штате Огайо и случайно увидели выставленный на продажу дом, в который Джойс влюбилась с первого взгляда. Они обязательно должны его купить! Лайонел взял ссуду в банке, и они приобрели дом № 4480 на Вест-Бат-Роуд и поселились там в 1968 году. Это был их третий переезд за два года и шестой после свадьбы. Джойс была в полном восторге. Джефф также был несказанно счастлив, и особенно потому, что он мог взять с собой Фриски, а рядом располагались лес и пруд. Он думал, что это прекрасное место для жизни. Наконец они смогут здесь остаться и построить стабильное будущее. Это место будет их домом следующие десять лет, пока не распадется брак Дамеров и не начнется вольное плавание Джефффри в неизведанных водах внешнего мира.

По сравнению с теми домами, в которых последнее время жили Дамеры, дом на Бат-Роуд оказался просто замечательным. Он располагался на свежем воздухе, в настоящей сельской местности на природе, и вокруг царили мир и покой. Кроме того, он был очень большим по размеру, а значит, в движении по социальной лестнице Дамеры сделали за-

метный шаг вперед. В таком идеалистическом месте у них появились все шансы зажить стабильно и счастливо. Лайонел построил курятник, чтобы выращивать кур и иметь запас своих собственных свежих яиц. Джефф тоже принимал в этом участие, а также помогал разводить овец, кроликов и уток на земле вокруг дома. Фриски бродила по лесу и однажды принесла домой мертвого сурка. Джойс же старалась сделать дом максимально красивым и уютным.

Казалось, Джеффу пришлось по вкусу деревенская жизнь, но так было, пока от него практически ничего не требовали. Он навещал живущее неподалеку семейство Лерсов, чтобы покататься на санках с их сыном Стивеном, который был на год младше него, и однажды вместо него разносил газеты, когда тот уехал отдыхать. Однако сам Джеффри не хотел постоянно этим заниматься. Лайонел стал беспокоиться, что его сын, похоже, почти ничем не интересуется: занят какими-то своими делами, которые держит в тайне и о которых никому не рассказывает. Бывали моменты, когда Джефф словно погружался в свой собственный мир. Лайонел понимал, что однажды ему придется проявить инициативу, чтобы вывести мальчика из его очередной летаргии. Возможно, он слишком поздно спохватился; ему следовало начать проводить с ним больше времени задолго до этого.

В средней школе Иствью Джефф завел много друзей, но отношения между ними были поверхностные, хотя какое-то время он даже играл на кларнете в школьном оркестре. Во

время обеда он обычно сидел за столом с Биллом Генри, Грегом Роджерсоном и Дэвидом Борсволдом, но все остальные считали его немного странным и говорили: «мальчик умный, но, действительно, необычный» или «хороший, тихий, закрытый». Он с трудом вписывался в коллектив, и, похоже, групповая деятельность его не привлекала в принципе.

— Я никогда не был одним из тех, кто играл в футбол, бейсбол или какие-то другие подобные игры по собственному желанию, — вспоминал он. — Меня просто-напросто не интересовали групповые виды спорта.

Однако в общении с Дэвидом Борсволдом он обнаружил, что у них есть общие интересы. Оба мальчика увлекались геологией и историей древних времен. Они собирали камни и вместе искали рисунки динозавров. Тогда даже сам Джефф еще не осознавал, что интерес к изображениям скелетов и костям динозавров был вызван чем-то, глубоко спрятанным в его подсознании, о чем другие мальчишки никогда бы не смогли даже помыслить. Дэвид и Джефф часто виделись, приезжая друг к другу домой на велосипедах. Они приняли участие в конкурсе проектов для научной выставки: Дэвид изучал динозавров, а Джефф — различные виды плесени и грибка, которые нашел в лесу на прилегающей к их дому территории. Когда проходила научная выставка, их стенд в течение недели с гордостью был выставлен в коридоре.

Через некоторое время Джефф почувствовал, что знает Дэвида достаточно хорошо, чтобы показать ему часть свое-

го маленького личного мира. В частые моменты уединения он играл в игру, в которой участвовали сделанные из палочек человеческие фигурки и спирали. По правилам игры тоненькие люди из палочек уничтожались, если подходили слишком близко друг к другу, поскольку каждый из мальчиков управлял своей маленькой армией. Спираль олицетворяли собой явно выраженные символы спуска, конечной целью которого была черная дыра. Он назвал эту игру «Страна Бесконечности». В то время ему было примерно девять лет, и этот факт пока еще нельзя уложить в какую-то теорию, но тревожно то, что он использовал подобное название для простой детской игры. Глядя на это со стороны, уже можно различить первые признаки того, кем он являлся, сам того совершенно не подозревая. Люди из палочек были лишены плоти; он задумал так, что они, в отличие от живых людей, будут состоять из одних костей. Для них опасность заключалась в сближении; любой контакт приводил к забвению, так как близость в этой игре считалась катастрофой и величайшим риском. Забвение он представлял как черную бесконечную дыру, как жалкое, безликое, безнадежное ничто, которое ребенок, возможно, уже видел, заглядывая вглубь себя. Или, может быть, он видел в этом опасность, грозившую любому, кто к нему приближался.

Все это – определенного рода догадки и домыслы, поскольку мы не знаем, откуда мальчик взял эту любопытную игру; мы можем только предполагать. Его рисунки говорят

нам о том, что он был личностью бездушной, закрытой и замкнутой, запертой в ловушке. Дамер годами фантазировал о «Стране Бесконечности», наслаждался ею в одиночестве и никому об этом не рассказывал. Позднее он поделился этим только с Дэвидом, и тот наивно присоединился к игре, которая была первым шагом к уничтожению личности. Дэвид оказался первым человеком, которому Дамер хоть и мельком, но позволил заглянуть в мир своих фантазий. Он также стал последним, кто сделал это добровольно.

Однажды вечером четверо Дамеров ели курицу на ужин. В их семье было заведено ужинать вместе независимо от того, какое напряжение царило в воздухе. Джефф спросил у своего отца, что произойдет, если они возьмут оставшиеся куриные кости и поместят их в отбеливатель. Лайонел Дамер посчитал это научным любопытством, достойным похвалы, и очень обрадовался исходящей от Джеффа инициативе. Он подготовил сковороду, налил в нее отбеливатель и поместил туда куриные кости, Джефф же в это время молча и не моргая наблюдал за происходящим. Ему тогда было десять лет.

Примерно в это же время, в 1970 году, стало ухудшаться хрупкое здоровье Джойс Дамер. Она постоянно увеличивала количество употребляемых препаратов и теперь пила восемь таблеток «Мепробамата» в день, а также слабительное и снотворное. Ее тело постоянно была сильная дрожь. Было трудно понять, из-за чего она чувствует себя настолько несчастной, что все время пытается сбежать от самой себя. Лайо-

нел не был настолько внимательным мужем, какими бывают некоторые мужчины, но и никогда не обижал ее.

– Мне просто казалось, что родители не слишком сильно любят друг друга, – вспоминал Джефф. – Из-за этого я был не уверен в прочности нашей семьи. Я рано решил, что никогда не женюсь, потому что не хочу проходить через что-то подобное.

Но все было отнюдь не так плохо, как кажется. Они вместе ходили в походы, при этом зарубками отмечая на посохе, сколько миль они прошли; они ездили в различные питомники, где покупали растения для сада. Но за всем этим всегда чувствовалось напряжение и неуверенность в том, что Джойс сможет с этим справиться.

– Когда она принимала лекарства, а это, как мне кажется, продолжалось в течение многих лет, большую часть времени она чувствовала себя слишком уставшей, чтобы что-либо делать... Кажется, пока мы жили в Бате, она почти все время просто лежала в постели.

Дэвид Дамер подтверждает, что атмосфера в доме была тяжелой, постоянно слышались крики и звуки падения различных предметов. Однако детей никто не трогал. Те просто наблюдали за происходящим и ждали. В конце концов Джойс попала в больницу и провела месяц в психиатрической клинике. Затем в течение следующего месяца у нее было двадцать два сеанса психотерапии. Однако количество принимаемых ею таблеток существенно не изменилось.

Джефф отреагировал на это привычным образом, продолжив винить себя в болезни матери. Всю жизнь он помнил, что она начала страдать депрессией после его рождения, и поэтому именно он был виновен в ее недуге. А значит, скорее всего, он и был причиной каждого ее рецидива. Он не мог рассказать о своей боли, потому что это могло спровоцировать болезнь матери. Чтобы защитить ее, чтобы в доме хотя бы недолго царило спокойствие, он должен был оставаться самим собой, мало говорить и еще меньше что-либо делать. Чем чаще она станет видеть его, тем хуже будет себя чувствовать. Его брат Дэвид сказал: «[Джефф] так и не научился открыто выражать негативные эмоции... он в одиночестве шел в лес и рубил там деревья на дрова». Из дома было слышно, как он стучит по стволам. Это походило на выплеск гнева (один из психиатров на суде Дамера так и назовет данный процесс), но, скорее всего, это всего лишь дарило ему утешение в условиях полной изоляции. Джефф просто-напросто чувствовал себя никому не нужным и считал, что если кто-нибудь начнет его ценить, то этим только навредит себе.

Это раннее чувство отчужденности – общая черта многих людей, которые становятся серийными убийцами. Джозеф Каллинджер, чей случай был исчерпывающе изучен Флорой Ретой Шрайбер в книге «Сапожник», говорил: «Мне не хватало чувства, что я являюсь частью кого-то или что кто-то

является частью меня»¹⁸. Печально известный преступник Леонард Лейк, арестованный в Сан-Франциско в 1985 году, также ощущал, что не является частью мира, что он только наблюдает за жизнью вокруг со стороны. (Находясь под стражей, он покончил жизнь самоубийством.) Так же было и с хвастливым «серийным убийцей» Генри Ли Лукасом, арестованным в Техасе в 1983 году, чья мать была психически нездоровой. Все они чувствовали себя в некотором роде плывущими по течению, оторванными от мира всех остальных людей, которые *нужны* друг другу и связаны между собой. Они же одиноки и существуют отдельно ото всех. Они живут в эмоционально нейтральной зоне. Джефф Дамер, который стучал по деревьям в лесу в компании вторящего ему эха, двигался прямиком к этой же развязке.

Его литературное эхо – странный персонаж Мерсо в романе Альбера Камю «Незнакомец». Эта короткая, но захватывающая история стала почти священным текстом для людей целого поколения, склонных рассуждать над понятием «абсурд» и считающих своим долгом бороться с ним. С нашей же точки зрения, книга демонстрирует то чувство отчуждения, которое испытывает центральный персонаж. Мерсо безо всякой причины убивает мужчину на пляже в Алжире; ему скучно, а этот человек просто оказывается рядом с ним. Он равнодушен к тому, что его арестовали и собираются судить, словно он всего лишь беспристрастный зритель.

¹⁸ Flora Rheta Schreiber, *The Shoemaker*, c. 43.

Он почти не замечает похороны своей матери; это занимает его не больше, чем желание закурить сигарету. Дело не в том, что Мерсо черствый или жестокий, он просто *другой*. Он не может реагировать на события, как остальные люди, ни моральным, ни эмоциональным образом, потому что его моральное и эмоциональное развитие было приостановлено. Ему все равно, потому что он *не умеет* испытывать эмоции – он существует отдельно от мира привязанности и уважения.

Чтобы стать частью этого мира, ребенок должен чувствовать, что его ценят, что его существование приносит пользу. Если это не так, то он ото всех отстранится. Так случилось и с Джефффри Дамером, и вскоре после этого он начал предаваться фантазиям, которые уничтожали как его самого, так и тех, кто подходил к нему слишком близко. Практически невозможно преувеличить опасность такого отстранения (если, конечно, оно не способствует творческой изоляции художника, который в данном отношении является полной противоположностью убийце). Если ребенок вырастет человеком, который не сможет общаться привычным для всех способом, он найдет отклоняющиеся от нормы возможности установить отношения – используя жестокость, садизм, контроль или в конечном счете уничтожение. Полная изоляция, отсутствие хоть какого-либо внешнего воздействия, в итоге становится просто невыносима¹⁹.

Один из анонимных пациентов формулирует данную про-

¹⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности, с. 313.

блему следующим образом: «Я в некотором роде был мертв. Я отрезал себя от других людей и замкнулся в себе. И понял, что вместе с этим умираешь ты. Ты должен жить в мире *вместе* с другими людьми. В противном случае что-то внутри тебя погибает»²⁰. И это полностью отражает собственные мысли Дамера: «Я даже не знаю, способен я испытывать нормальные эмоции или нет, потому что я не плакал уже очень давно. Просто ты так долго подавляешь эмоции, что они, наверное, начинают исчезать, по крайней мере частично. Я не знаю».

На самом деле неудивительно, что в детстве Джефф был проблемным и требовательным ребенком. Многие дети капризничают и доставляют много хлопот – таким образом они учатся взаимодействовать с другими людьми и проверяют границы своего влияния. Это обычное жизненное явление. Ребенок, который не требует внимания, потому что уже знает, что он его не получит, показывает свою внутреннюю безжизненность, которую можно ошибочно принять за доброту или мягкость характера. Джеффри Дамер непреклонно заявлял, что не нужно винить его родителей за то, что он сделал, даже косвенным образом. Он яростно их защищал и говорил всем, что вина за совершенные им преступления целиком и полностью лежит только на нем. В каком-то смысле он все еще считал себя ответственным за нестабильное эмоциональное состояние матери и хотел любой ценой защитить

²⁰ R. D. Laing, *The Divided Self*, с. 133.

ее от постороннего вмешательства. Это правда, что внутри семьи Джефф никогда не сталкивался со случаями жестокого обращения, также точно известно то, что никто из членов семьи не стал бы скрывать подобную информацию. Но кто знает, что юный Джефф *чувствовал* по поводу отношений со своей эгоцентричной матерью и отстраненным, вечно занятым отцом? Самостоятельно он разобраться в своих эмоциях не мог. Для нас все еще непостижимой остается сила его внутреннего сопротивления полному познанию себя.

Тем не менее, когда ему исполнилось одиннадцать или двенадцать лет, стало совсем ясно, что с его отстраненностью надо что-то делать. Лайонел пробовал все, чтобы привлечь его внимание, разбудить его энергию. Он научил его играть в теннис, и они сыграли много матчей вместе. Но игра не занимала сердце Джеффа: у его школьных друзей сложилось впечатление, что его «заставляли» в нее играть. На короткое время он присоединился к отряду скаутов, но это также было сделано неохотно.

– Я не хотел быть бойскаутом, но мои родные решили, что будет здорово, если я начну чем-то интересоваться, – говорил он.

Его отправили на ранчо, где скауты провели две недели в глуши во время похода.

– Нам пришлось привязать еду между двумя деревьями, чтобы медведи не могли ее достать.

Все это звучит интересно и захватывающе, но почти все

время Джефф вел себя так, словно его там и не было. Его апатия касалась даже процесса его самовыражения.

– Было очень трудно чего-то от него добиться, – сказал его брат Дэвид, который, помимо этого, вспомнил, что Джефф начал монотонно разговаривать уже с раннего возраста.

У Лайонела сложилось впечатление, что Джефф расстроился, когда увидел выращенных им ягнят, которых забирали на заклание, но ему могло просто показаться.

– Джефф никогда открыто не проявлял своих эмоций.

Мальчик уже запер себя в им самим же созданную тюрьму. И, оказавшись там, он начал постепенно цементировать стены и делать свое убежище неприступным. Он продолжал пассивно соглашаться со всеми попытками отца «оживить» его, но не видел в них особого смысла. Что касается матери, то она, похоже, отстранилась от происходящего и заботливо берегла свое собственное убежище, которое заключалось в приеме успокоительных. Иногда, когда Джефф в конце дня возвращался из школы, мать все еще лежала в постели и, казалось, не шевелилась с самого утра. Нити, которые связывали мать с сыном, никогда не были особо прочными, а тогда почти окончательно исчезли. Они жили в одном доме, ели за одним столом, но у каждого был свой собственный мир. Когда Джойс сталкивалась со множеством небольших повседневных проблем, в воздухе сразу же ощущалась атмосфера отчаяния, практически паники; Джефф же на все реагировал поразительной скрытностью.

Когда Джефф вступил в период полового созревания, его не слишком интересовали или беспокоили изменения в его эмоциональных реакциях, скорее всего, потому, что те были приглушены. В то время как большинство мальчиков старались выразить эти новые чувства посредством страстной дружбы или драматической демонстрации преданности, Дамер остался один, сбитый с толку. У него не было «лучшего друга», с которым они могли бы взяться за руки, вдвоем посмеяться над чем-то или гордиться тем, что их видели вместе. Возможно, он уже оказался вне досягаемости.

С одним соседским мальчиком, Эриком Тайсоном, они действительно несколько раз бессистемно физиологически исследовали тела друг друга. Эрику было десять лет, он был на три года младше Джеффа, но его сексуальный аппетит был развит не по годам. Примечательно, что инициатива исходила от Эрика, а Джефф просто на это согласился. Они часто проводили вместе время, рыбачили и ходили в походы, у них был свой дом на дереве и крепость, которую они иногда ремонтировали. Именно там Эрик предложил ему раздеться. Два мальчика трогали, ласкали и целовали друг друга, но не более. Они делали это три или четыре раза, но страх, что обо всем узнают, заставил их отказаться от подобной затеи. Что касается подростковых приключений, они были довольно несерьезными. Дамер никогда не показывал своих эмоций, хотя понял, что ему было интересно увидеть тело Эрика; но он, конечно же, рассматривал его только как объект

для изучения, а не как человека, который мог разделить его энтузиазм.

Все заметили, что со времени пребывания в средней школе Иствью и старшей школе Ревира с ним произошли серьезные изменения. Во-первых, он немного прибавил в весе, и сначала никто не мог понять почему. Позже стало известно, что Джефф, по словам брата, примерно с четырнадцати лет начал пить. Возможно, он смотрел вглубь себя и боялся того, что там видел; сейчас уже поздно рассуждать об этом, а сам он точно не помнит. Или, возможно, в выпивке было виновато всепожирающее чувство изоляции, уже слишком сильное, чтобы что-то исправить, но все еще казавшееся ему неестественным. Вероятно, апатия угнетала его, и алкоголь стал для нее единственным противоядием. В старшей школе друзья Дамера заметили, что общество его не принимает. В классе его считали «клоуном», который выставляет себя дураком, очевидно, пытаясь привлечь к себе внимание. Одной из его шуток было блеять в классе, как овца, и нарушать таким образом дисциплину. Он мог симулировать эпилептический припадок, мог споткнуться о невидимый объект, выплюнуть еду или притвориться больным. В магазине он вел себя «как умственно отсталый», скидывал предметы с полок и, как правило, устраивал неловкие ситуации. Такого поведения можно ожидать от неуверенного в себе молодого человека, который отчаялся найти общий язык со своими товарищами и хочет, чтобы они проявили к нему внимание и

интерес. В случае Дамера это вызывает серьезное беспокойство. Он отказался от идеи установить контакт и уже закрылся от мира. Новый персонаж, которого он отныне показывал всем, непредсказуемый шутник – это изобретение, созданное им специально для того, чтобы спрятать и скрыть свое настоящее «я» так, чтобы его невозможно было обнаружить.

Дружба с Дэвидом Борсволдом внезапно оборвалась еще в прошлом году из-за вмешательства миссис Борсволд, которая считала, что Джефф является опасным товарищем для ее сына. Возможно, она опасалась того, что между ними могла появиться некая гомосексуальная привязанность, но поскольку данные подозрения были почти абсолютно бездоказательными, более вероятно, что на самом деле ее встревожила «странность» и обособленность Дамера. Его дружба с Биллом Генри также была скорее несерьезной, чем настоящей. Школьный библиотекарь и пара учителей замечали, что он практически ни с кем не общается, и были этим встревожены.

Дома, будучи в одиночестве, он нашел для себя утешение в мастурбации и начал ежедневно этим заниматься. Но нет никаких конкретных свидетельств того, что это сопровождалось какими-то определенными фантазиями.

Учеба в школе страдала из-за приступов апатии, употребления алкоголя и идиотского поведения, и его оценки резко ухудшились. Он был явно сообразительным и умным мальчиком, что сильно затрудняло возможность оправдать его

неудачи в учебе. Лайонел и Джойс наняли репетитора, помочь ему улучшить результаты, но эти усилия не увенчались успехом. Казалось, Джефф плывет по течению на своем собственном куске старой коряги.

Рядом с домом на Бат-Роуд располагалась небольшая хижина, где Джефф мог проводить время в абсолютном одиночестве. Эрик Тайсон заходил туда в поисках Дамера и заметил в хижине несколько скелетов разных мелких животных – бурундуков, белок, птиц, за которыми, очевидно, кто-то с особой тщательностью ухаживал. Также там была коллекция особей моли и банки с законсервированными в формальдегиде насекомыми. (Некоторые из этих банок хранились в спальне Джеффа.) Рядом с хижинкой он устроил небольшое кладбище домашних животных, на котором установил кресты и повесил на них настоящие черепа зверей. Дэвид Дамер знал о кладбище животных и думал, что брат «делает доброе дело», когда хоронит мертвых существ. Однажды Джефф хотел показать ему, насколько он продвинулся в изучении биологии, и показал Дэвиду мертвого крота. Затем он разрезал животное, удалил у него сердце и печень, которые после поместил в формальдегид. В другой раз он помогал препарировать поросенка на уроке биологии и уговорил учителя разрешить ему забрать свиную голову домой. Позднее в гараже он снял с нее кожу и плоть, а череп оставил себе.

Никто не видел в этих действиях ничего ужасающего. Напротив, они наконец-таки дали понять, что Джефф прояв-

ляет к чему-то интерес, и этот интерес нужно поощрять и воспитывать. Это любопытство стало неким признаком искры в мальчике, и у многих других его сверстников подобная заинтересованность в конечном итоге приводила к интеллектуальному поиску. Было бы неплохо, если бы его будущее оказалось связано с прикладной биологией. В действительности Лайонел Дамер был рад, что нашелся хотя бы один школьный предмет, который заинтересовал его сына, потому что по всем остальным его оценки оставляли желать лучшего, и он понятия не имел, как заставить сына повысить уровень успеваемости. Отец решил, что ситуация улучшается. Но интерес Джеффа к мертвым животным начал выходить за рамки простого любопытства и перерастать в своего рода болезненную одержимость. Он стал высматривать на дороге трупы «убитых животных», которые столкнулись с автомобилем на широких проселочных дорогах, и приносить их домой. Следующие два года он несколько раз приносил трупы и разрезал их спереди, чтобы узнать, как те выглядят внутри.

Джефффри Дамер никогда самостоятельно не убивал животных. Часто бывает так, что люди, которые становятся серийными убийцами, проявляют садистские наклонности уже в детстве, мучая животных, – это общая отличительная их черта. В этом отношении Дамер был не похож на остальных. Он не проявлял жестокости, не интересовался страданиями животных или тем, как они реагируют на боль. Он проводил эксперименты только над трупами. Мальчик, который про-

являет жестокость по отношению к живому существу, изучает, может ли причинить ему боль и к каким результатам это приведет, проявляет чувства по отношению к живому созданию, — отнюдь не нежные, жестокие, но все-таки чувства. Так можно легко обнаружить зарождающийся садизм. Дамера же интересовало не причинение боли *живому* существу, а исключительно холодное механическое вскрытие *мертвого* тела. Даже садизм, жестокий и безразличный, является проявлением жизни, в садизме можно найти его причину — это душа, которая интересуется мучителя и которой он стремится причинить боль. Джеффа Дамера не волновала душа или чувства, только чистая механика — он хотел увидеть, как устроен живой организм. Он мог бы даже попытаться заново собрать его, предварительно разделив на части. Эта одержимость «механизмом» жизни, а не самой жизнью, типична для некрофила.

Дамер находил на дорогах сбитых автомобилями собак, лис, опоссума. Однажды он принес домой труп очень большой собаки, вроде сенбернара, оставил его на улице, чтобы плоть сгнила, а затем собрал кости и отбелил их. Он намеревался собрать скелет заново, но так и не нашел на это времени. Много лет спустя труп еще одной собаки прославится на всю Америку. Джефф принес его домой, а затем так объяснил свой поступок: «Я хотел посмотреть, как выглядят внутренности, и поэтому разрезал его». Позднее он водрузил голову этой собаки на шест, стоявший в лесу, видимо, как сво-

его рода малопонятный даже ему самому ритуальный жест, и оставил его под открытым небом. Вскоре после этого соседи – Джим Клиппель со своей девушкой и его четырехлетний брат – гуляли по лесу и заметили это ужасное зрелище. Клиппель увидел, что тело собаки висит на сломанной сосновой ветке, полностью выпотрошенное, а внутренности обвиты вокруг самого дерева. Немного поодаль находилась насаженная на палку голова. Они были до глубины души потрясены этим чудовищным зрелищем. Клиппель рассказал обо всем своему другу Кларку Секарду, который на следующий день пошел в лес и все сфотографировал; именно это фото будет опубликовано в национальной прессе, когда шестнадцать лет спустя Джефффри Дамера арестуют.

На протяжении всего периода своих экспериментов они оставались преданными друзьями с собакой Фриски, которой на тот момент исполнилось восемь лет. Ему никогда даже не приходило в голову ни причинить вред Фриски, ни изучать труп какой-либо собаки, которую он знал лично. Был случай, когда Фриски играла с соседской собакой.

– Он был ростом примерно как этот стол, короткошерстный, похож на добермана, очень дружелюбный пес. Когда мимо проезжала машина, Фриски погналась за ним на улицу, обе собаки были вместе, рядом друг с другом, и эта машина врезалась в большую собаку и просто чудом проехала мимо моей. О боже, как же нам тогда повезло.

Джефф рассказал соседям, которым принадлежала соба-

ка, о случившемся, но препарировать ее он никоим образом не захотел.

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, Джефф еще больше отдалился от своих школьных друзей. Билл Генри, Грег Роджерсон – все они постепенно отошли на второй план. Но, конечно, Дамер сам был в этом виноват. Он становился все более угрюмым, малообщительным; все чаще и чаще бывал пьян. Школьники иногда считают, что злоупотребление алкоголем является признаком зрелости, но постоянное пьянство, хоть они в этом и не признаются, пугает их. Часто пьяный Джефф заставлял их чувствовать себя неудобно, и они стали его избегать. Все, кроме одного. Именно в этот момент у него появился новый друг, который так же стремился сбежать от реальности. Джеффу Стиксу тоже было шестнадцать лет, и он, в числе других, продавал марихуану в старшей школе Ревира. Однажды во время обеда они с Дамером познакомились, и Стикс предложил ему покурить. С тех пор каждый день они вместе пили и накуривались, пили, как выразился Джефф Стикс, «пока наши носы не онемеют», и курили травку, чтобы довести себя до полного безразличия. Эта новая дружба вполне устраивала Дамера, потому что не предполагала ни эмоциональной привязанности, ни контакта с реальным миром. Наркотический дурман и алкоголь были пропуском к бездумному блаженству, и Дамер практически прекратил учиться в школе.

У Джеффа Стикса была одна привычка, которую не одоб-

рял Дамер. Он любил быстро ездить на машине, искал собак, идущих по дороге, стремительно набирал скорость и давил их, явно получая от этого удовольствие.

– Я был просто поражен. За день он задавил четыре собаки. А сколько же всего собак он встретил на своем пути... он быстро ускорился – и все, дело сделано. Последним стал маленький щенок, который вышел на дорогу, и я помню, как это было ужасно, он очень быстро набрал скорость, и собака перелетела через машину. Я оглянулся и увидел, как она с испуганным видом убегает оттуда. Не знаю, насколько сильно ему было больно, но, думаю, очень сильно. Меня из-за этого чуть не вырвало. Я сказал ему отвезти меня обратно и выпустить из машины.

Он навсегда запомнит укоризненный взгляд этого испуганного щенка. Глаза, которые с упреком и недоумением смотрят на тебя и тем самым заставляют невольно признать жизнь, теплящуюся в них. Доктор Хаят Уильямс в Лондоне однажды лечил убийцу, которого преследовала память о раненой горлице. Пациент утопил ее, чтобы избавиться от страданий, но птица смотрела на него удивленным, непонимающим взглядом, пока он не довел дело до конца²¹. Тот факт, что Джефф Дамер запомнил глаза той раненой собаки, позволяет предположить, что он все-таки мог спасти от краха

²¹ A. Hyatt Williams, *A Psycho-analytic Approach to the Treatment of the Murderer*, была зачитана на XXI международном конгрессе психоаналитической ассоциации в Копенгагене, Дания, июль, 1959 год.

свою психику, потому что в этот момент в нем все еще теплились крупинки сострадания, которые зажгла одна небольшая трагедия. После этого они ослабели и начали пропадать, пока не потухли окончательно. В 1991 году одна из его жертв умерла с открытыми глазами, но тогда было уже слишком поздно для того, чтобы он мог увидеть в них укоризну или упрек; Дамер всего лишь отметил, что это было странно, так как у всех остальных глаза были закрыты.

Отныне отношения с Джеффом Сиксом ограничивались лишь совместным употреблением наркотиков. В семнадцать лет Дамер все еще был девственником и при этом так и не начал испытывать каких-либо эмоций. С момента исследования тела Эрика Тайсона прошло четыре года, и за это время он не установил никаких сексуальных отношений и не предпринял никаких попыток сексуального завоевания; никто не проявлял к нему интереса. Девушки, казалось, совсем не замечали его, хотя он был очень привлекательным юношей со светлыми волосами. К этому времени привязанность, которая еще существовала между его родителями, полностью исчезла: Джойс заставила Лайонела спать в одиночестве в своей камере. Ситуация обострилась до такой степени, что общение между ними свелось лишь к взаимным оскорблениям. «Эта обстановка ожесточила наши сердца», – сказал одиннадцатилетний Дэвид Дамер. Тогда он даже не подозревал, как тяжело пришлось его брату.

Однажды школа организовала экскурсию в музей анато-

мии в Кливленде, и по крайней мере на одного из учеников эта поездка произвела настолько сильное впечатление, что намного превзошла намерения учителей. Дамер смотрел на горизонтально расположенные части человеческого тела, изучал, как оно устроено и как работает, и был абсолютно потрясен. Это было похоже на его собственные эксперименты со сбитыми на дороге животными, на те моменты, когда он оказывался так близко к самой сокровенной части другого существа, к его внутреннему устройству, к источнику и причине самого бытия, к некоему двигателю, который заставлял эти часы тикать. Теперь там, в музее, он увидел эти интимные, располагавшиеся внутри человека «детали», на них смотрели все, но по-настоящему их *видел* только он. Остальные, по-видимому, не осознавали важность этого момента и не ценили его. У них был иной путь, так откуда им этим интересоваться? А Джефф вглядывался в открывавшиеся перед ним горизонты.

В то время он стал все больше мастурбировать, иногда чаще трех раз в день. Для многих семнадцатилетних подростков в этом нет ничего удивительного, они страдают от обостренного либидо, которое нужно как-то успокоить. Но к тому времени большинство из них уже нашли способ открыть для себя сексуальные тайны совместно с другим человеком; те же из них, кто был предоставлен сам себе, подпитывали почву для развития своей фантазии. Джефф Дамер обнаружил, что существуют журналы, в которых демонстри-

руют обнаженных мужчин, и ему удалось их достать. Во время мастурбации он разглядывал фотографии, которые больше всего будоражили его: обычно это были изображения мускулистого торса и безволосой груди. Именно на области живота и груди он смотрел во время мастурбации, и в его сознании сформировалась фантазия о том, как однажды он прикоснется ладонями к такой груди, будет находиться рядом с ней, обладать ею. Его интересовал не человек, которому принадлежало тело – в действительности это могло стать изъяном или осложнением, – а качества самого тела. Он представлял себе не интимные отношения с возлюбленным, а интимные отношения с прекрасной и красивой *вещью*. На самом деле Джефф Дамер был настоящей мечтой порнографа, поскольку к тому времени он почти полностью лишился каких бы то ни было чувств.

Его фантазия стала просто логическим, но эмоционально пустым продолжением распространенной среди подростков неуверенности в том, что они смогут привлечь или удовлетворить партнера. Сколько мальчиков мечтают о девушке, которая была бы готова просто лежать и позволять им делать все, что захочется, трогать и исследовать ее тело, и которая при этом не станет жаловаться и требовать чего-то большего! Это является частью процесса обучения. По мере взросления, когда открываются удовольствия взаимной близости, эти фантазии утихают. Но вряд ли человек повзрослеет в этом плане, если его интерес ограничен лишь телом,

а сам он безразличен к человеку, которому это тело принадлежит.

Параллельно с этим у Джеффа Дамера была и другая фантазия – заглянуть внутрь человеческого тела и изучить его. Две эти фантазии еще не объединились; пока он не думал о внутренностях мужчин, чьи фотографии созерцал во время мастурбации. Некрофильное влечение еще не было связано с сексуальным удовлетворением. Но оба объекта, о которых он постоянно фантазировал, возникли в один и тот же подростковый период, и несмотря на то, что появляться в его сознании они будут по отдельности, а не одновременно, возможность того, что один в конечном счете начнет подпитывать и усиливать другой, уже существовала. Другие воспоминания Дамера слились с его воображением – воспоминание о том самом интимном моменте в его жизни, когда рука хирурга трогала его кишечник, чтобы удалить грыжу, и его собственный тайный мир – серьезная и глубокая концепция его фантазии о «Стране Бесконечности», обещающая абсолютную и нерушимую конфиденциальность.

Один мужчина, который бегал по утрам, во время пробежки регулярно появлялся перед домом Дамеров № 4480 на Вест-Бат-Роуд. Джефф каждый день наблюдал за ним. Этот человек обладал очень сильным и впечатляющим телосложением, и именно к такому телу Джефф хотел бы прикоснуться, но как он смог бы устроить подобную встречу? И даже если бы она состоялась, что бы он делал дальше? Едва ли

он мог пригласить этого незнакомого человека лечь рядом и предложить ему ласкать свое тело. Это невозможно, так это не работает. В любом случае он не хотел кого-то просить: он желал, чтобы этот человек полностью подчинялся ему, не сопротивляясь, даже преклонялся бы перед ним. Он фактически хотел поймать его. Но был только один способ сделать это. Он должен каким-то образом совершить на него нападение и заставить этого человека потерять сознание. Затем он потащит его в лес и ляжет рядом с ним или на него. Он сможет поцеловать этого мужчину даже без его ведома. И вот однажды он взял в руки бейсбольную биту и стал ждать этого мужчину возле дороги, по которой тот обычно пробегал. Джефф был готов претворить этот план в жизнь. Но провидение каким-то образом повлияло на незнакомца, и в этот день он не вышел на пробежку, а взволнованный мальчик со своей бейсбольной битой и своими фантазиями вернулся домой. Но он ничего не забыл.

Глава 3

Фантазии

– Я не знаю, почему это началось. У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Если бы я знал истинные, настоящие причины, из-за чего это началось, еще до того, как все произошло, вероятно, я бы ничего подобного и не совершил.

Самый простой ответ – допустить, что исчезновение личности Дамера и его преступления произошли в результате безрассудного, повсеместного потакания фантазийной жизни, которую следовало держать под контролем. Но, к сожалению, вопрос все равно остается без ответа, потому что фантазия – это не источник проблемы, а инструмент, с помощью которого эта проблема решалась хотя бы какое-то время. Мы должны смотреть глубже. Дамер никак не мог знать «истинные, настоящие причины», потому что они были предшественниками его фантазий, а сами фантазии, в свою очередь, появились, чтобы нейтрализовать и сдерживать их. Если мы проследим эволюцию этих фантазий до более ярких и более отчетливых образов, нам нужно продолжать надеяться, что мы сможем постепенно снимать пласт за пластом, которые в защитных целях наслоились на расшатанную психику. Не существует быстрого пути; эта дорога постоянно изгибается и иногда заводит в тупик. Но если мы создадим картину, да-

же несмотря на то, что она будет неполной и появится перед нами лишь на короткое время, эта загадка может быть разгадана.

Во-первых, важно понять, что в фантазии *как таковой* нет ничего плохого. Для младенца это полезный фундамент и опора, от которой он отказывается только потому, что сама реальность становится для него более заманчивой и интересной. Для взрослых она является источником воображения и поэзии, художественного творчества и выдающихся устремлений. У Гойи есть знаменитое высказывание, в котором заключена дилемма, лежащая в основе этой книги. «Фантазия, покинутая разумом, порождает невероятных монстров, – писал он. – Вместе с ним она мать искусств и источник созданных им чудес»²². В случае Дамера совершенно очевидно, что фантазии шли не рука об руку с разумом, а вступали с ним в противоборство. В конечном итоге они стали для него более реальными, более ценными, более важными, чем сама реальность.

Фантазия – это царство Диониса, бога энергии, безумия, свободы и хаоса. Дионис высвобождает ограниченное «я», позволяет ему уйти от запретов и подчинения и отказаться от порядка. Вот почему он считается богом драмы, обмана и притворства. Актеры выходят за рамки самих себя, чтобы заработать себе на жизнь, а фантазеры – чтобы освобо-

²² Francisco Goya, Preface to Los Caprichos, цит. по: Anthony Storr, *Human Destructiveness*.

диться, но занятия их похожи, и покровитель их один и тот же. Дионис также считается богом секса и зрелищ, неконтролируемых побуждений и скрытых желаний. Он стоит выше реальности и во многом является богом того, что заразило голову Джеффа Дамера. Сексуальные отклонения Дамера, которые родились в его сознании в середине подросткового возраста, были продуктом дионисийского воображения, рожденного разочарованием и недовольством, а также необходимостью создания для себя лучшего жизненного сценария, в который бы он *вписывался*.

Большинство фантазий настолько своеобразны и неосуществимы, что никогда не претворяются в жизнь, и в итоге хозяева уносят их с собой в могилу. «Это хорошо для общества, – писал Вильгельм Штекель, – что мы не знаем всех фантазий, которые сознательно, полусознательно или бессознательно сопровождают каждое эротическое пристрастие»²³. Далее Штекель утверждал, что мы были бы поражены, если бы о них узнали. Трагедия данной истории заключается в том, что мы их *знаем*, и мы действительно поражены. Воображение Дамера оказалось открытым, как книга, и те люди, с помощью которых он питал свои фантазии, поплатились за это жизнью.

Сексуальная фантазия обычно влечет за собой мастурбацию и, как правило, ею и удовлетворяется. Для этого мастурбация не просто простительна, а подходит идеально.

²³ Wilhelm Stekel, *Auto-erotism*, с. 66.

Это необходимый предохранительный клапан, без которого общество могла бы захлестнуть невообразимая неожиданно освободившаяся энергия. Пока импульс этой энергии остается в фантазийной жизни, он всемогущ и свободен; все будет происходить так, как того хочет мастурбирующий, неограниченно и раскрепощенно, без раздражающих непредвиденных обстоятельств реальной жизни. Но, поскольку в фантазиях возможно все, а в реальности существуют ограничения, нужно строго разделять эти области; нельзя позволять им перетекать друг в друга. Реальность отравляет источник фантазии, тогда как фантазия, попадая в реальный мир, несет с собой разрушение.

Жестокий парадокс состоит в том, что свобода, присущая фантазии, в некотором смысле создает свою собственную тюрьму, поскольку отрицает богатое многообразие реального мира и заменяет его бесплодными, неосуществимыми ограничениями, которыми характеризуется навязчивая идея. Не стоит завидовать человеку, который обладает тайной фантазийной жизнью, и не стоит поклоняться Дионису. «Сознание настолько погрязло в разочаровании, что оно похоже на крошечную комнату без окон»²⁴. К своим семнадцати годам Джефф Дамер был уже надежно заперт в этой крошечной комнате, и для общей безопасности он и должен был там оставаться. Этим он очень похож на свою мать, которая попала в ловушку эгоцентризма и оказалась беспомощна

²⁴ Colin Wilson, *Order of Assassins*, с. 61.

в борьбе с раздражающими условиями реальности. В конце концов, в фантазийной жизни есть что-то абсолютно эгоистичное. Она не предполагает того, что удовольствие можно с кем-то разделить. Джефф Дамер не думал о том, что можно провести время с мужчиной, выходящим на пробежку, – для него тот был предметом мебели в его личном спектакле.

1978 год стал для него во всех отношениях неудачным. Дом № 4480 на Вест-Бат-Роуд задыхался от ссор и неприязни; Лайонел Дамер вспоминал этот период как «преимущественно депрессивное и болезненное существование». Незадолго до Рождества они с Джойс решили подать на развод. Весь прошлый год они пытались спасти брак, посещая профессионального консультанта, но безуспешно. Последней каплей стало то, что в сентябре Джойс уехала из штата на похороны отца и там изменила мужу с кем-то еще. После этого они приняли решение о разводе и рассказали об этом Джеффу и Дэвиду, подчеркнув, что хотят сохранить мирные отношения. Но Лайонел, несомненно чувствуя себя уязвленным и униженным из-за открывшегося факта неверности, похоже, передумал, и дома снова начались скандалы. Джойс получила заказное письмо от адвоката, где говорилось, что у нее есть неделя, чтобы съехать из дома. Они часто ссорились, угрожали друг другу на глазах у мальчиков. Лайонел сказал сыновьям, что их мать сошла с ума, после чего она изо всех сил старалась контролировать себя и сохранять спокойствие, чтобы доказать, что он неправ, – а это, в свою оче-

редь, до крика раздражало его. В конце концов было решено, что Лайонел сам покинет дом, в котором жила семья; он собрал вещи и переехал в мотель «Огайо», в доме № 2248 на Норт-Кливленд-Массилон-Роуд, примерно в шестнадцать километров от прежнего жилья.

Суд постановил, что миссис Дамер должна пройти психологическое обследование в городе Акрон, штат Огайо. Лайонел отправил психологу подробные записи истории ее психического состояния и пристрастия к лекарствам, но он мог этого и не делать, поскольку, разговаривая с доктором, она и так находилась в состоянии крайнего нервного возбуждения. Психологу сообщили и о нервных срывах, и о пребывании в психиатрическом стационаре, а также о ее отказе делить с Лайонелом супружеское ложе (она рассказывала соседке, что муж «ненасытен»). Доктор отметил, что Джойс Дамер страдает очень серьезными проблемами: постоянно расстраивается, злится и крайне требовательна в межличностных отношениях. Она вольно интерпретирует мотивы поведения окружающих и, похоже, отрицает их право критиковать ее собственное поведение и оценивать, как оно влияет на них. Недавно она «нашла себя», посетив собрание женщин в Центре психического здоровья, писал доктор, но несмотря на то, что мистер Дамер был готов искать дополнительную профессиональную помощь с целью сохранения их брака, сама она к этому же не стремилась. Казалось, Лайонел искренне недоумевал, почему Джойс так настаивает на разводе. Что еще

более важно, они волновались, с кем в таком случае останется Дэвид и где он будет жить, но никогда не думали, что произойдет с Джеффом или где будет жить он.

Джеффу было почти восемнадцать лет, и, возможно, он был уже достаточно взрослым, чтобы заботиться о себе самостоятельно, но здесь важно, что с ним даже не посоветовались по этому поводу. Дамеры оказались настолько поглощены своим конфликтом, что не заметили, как сильно их старший сын теперь абстрагировался от окружающего мира.

– Возможно, я начал закрываться во время бракоразводного процесса, – сказал он, словно забыв на мгновение, как глубоко он был погружен в себя еще до этих событий. – Это был мой способ избавиться от тягостных мыслей: просто занять удобную позицию или притвориться безразличным, чтобы избавиться от боли, которую я чувствовал из-за развода. Может, тогда все и началось. И это было эффективным, это сработало.

Дэвид был больше расстроен из-за развода, так как был моложе, проще и менее замкнутым. Джефф же отреагировал в типичном для него ключе – изолировавшись. Он все больше и больше пил, почти всегда в одиночестве. Один из учителей старшей школы Ревира однажды увидел его сидящим на траве возле стоянки, в коричневом бумажном пакете – двенадцать банок пива, три из которых он уже опустошил. Учитель, мистер Смеско, сказал Джеффу, что не стоит приносить алкоголь в школу и что он вынужден об этом сооб-

щить. Джефф ответил, что у него «много проблем», о которых знает помощник директора, мистер Кунгл. Оба преподавателя считали, что «проблемы» связаны с разводом родителей. Но они не знали, что помимо этого Джефф боролся с жуткими мыслями. Мистер Смеско не мог не заметить, что глаза мальчика блестели и были налиты кровью и что выглядел он «мрачным и подавленным». Нечасто в ходе обычного разговора учителя замечают такую деталь в настроении.

Чудо, что Джефф вообще окончил школу. Однако в Соединенных Штатах провал не считается таковым, если существует приемлемый способ его замаскировать, и в данном случае все признали лишь то, что Дамер был недостаточно успешен в учебе; другими словами, он бы мог сдать экзамены с отличием, если бы действительно старался. Джеффа знали как умного мальчика, способного воспринимать информацию, которую могли бы и не усвоить другие ученики – его IQ составлял 117 пунктов. Но его способность к восприятию равнялась нулю, да и вовлеченность была такой же. Несмотря на то что он был способен поприветствовать человека и немного с ним поболтать, его эмоциональная изоляция уже стала непреодолимой. Таким образом, к выпуску из школы он подошел с очень плохими оценками, из-за которых, по закону, его должны были исключить.

Следующим громким событием была одна из священных американских традиций – выпускной вечер. Кульминация учебы в старшей школе – выпускной бал – это вечеринка,

танцы, праздник, посвящение и, прежде всего, негласный переход во взрослую жизнь. Каждый мальчик должен пойти на «свидание», а каждая девочка ждет, что ее пригласит самый интересный или самый гламурный парень в школе, как правило, спортсмен. Дамер отнюдь не был спортсменом, но из-за своей привлекательной, хоть и еще мальчишеской, внешности, тем не менее, являлся неплохой партией. Его недостатками были неспособность оставить свой след, так что у девушки не появилось бы веских причин гордиться тем, что она держит его за руку, и всем известное пьянство. Сам Джефф ни разу не ходил на свидание с девушкой и никогда этого не хотел. В мае ему исполнилось восемнадцать, но он оставался абсолютно неопытным в этих делах. Ему не очень хотелось идти на бал, но пришлось; традиция не допускала свободного выбора – добровольное отсутствие казалось невыносимым. Поэтому остальным пришлось искать девушку, которую Джефф Дамер мог бы пригласить на выпускной.

Двое его одноклассников, Майк Костлоу и Линн Соквел, нашли решение. Они подошли к шестнадцатилетней девушке по имени Бриджит Гейгер и спросили ее, не хочет ли она пойти на свидание с Джеффом. Бриджит не была с ним знакома, но слышала, что он чрезмерно употребляет алкоголь, и отнеслась к предложению настороженно. Она сказала, что согласится, только если он пообещает не пить, и так они пришли к договоренности.

Джефф появился в ее доме не одетым в смокинг, считав-

шийся *непременным* условием этого ритуала; она же, в свою очередь, надела длинное вечернее платье и выглядела очень красиво. Он ужасно нервничал и, пытаясь прикрепить corsажный букетик к ее платью, тряся, словно боялся прикоснуться к ее коже. В конце концов, миссис Гейгер пришлось самостоятельно приколоть цветы к платью дочери. Всем было ясно, что этот застенчивый светловолосый молодой человек впервые идет на свидание. Сначала они поужинали в дорогом ресторане, а затем отправились на выпускной, который проходил не в старшей школе Ревира, а в городе Акрон, штат Огайо. Джеффу сказали, что он должен доставить Бриджит домой не позднее часа ночи.

Для Бриджит выпускной бал почти было превратился в досадную катастрофу: сразу вскоре после их прибытия Джефф куда-то исчез. Из-за его ужасных манер она чувствовала себя словно судно, которое выбросило на мель, и жалела, что пошла с ним. По правде говоря, он любой ценой стремился избежать привычных церемоний и ожиданий, напрямую связанных с балом. Он боялся, что о нем начнут судачить, но в то же время знал, что окружающие никогда не отличались проявлением благосклонности по отношению к нему. К несчастью, Бриджит начала искать Майка и Линн, чтобы попросить подвезти ее домой, потому что она осталась без кавалера, но затем внезапно появился Джефф и заявил, что он не наелся за ужином, отправился искать «Макдоналдс», чтобы купить себе чизбургер, и заблудился. Он отсут-

ствовал большую часть вечера и был явно пьян. Четверо из них ушли оттуда вместе и, прежде чем вернуться домой, зашли в бар в Бате. Джефф привез Бриджит домой к одиннадцати вечера, хотя у нее оставалось еще два часа. Он пожал ей руку и пожелал спокойной ночи. Если она и ожидала, что он поцелует ее, то напрасно.

На протяжении этого периода времени в Ревире – экзамены, окончание учебы, выпускной бал – подготовка к разводу Дамеров шла полным ходом. Джефф притворялся, что ему все безразлично, и на вопрос Майка Костлоу о разводе пренебрежительно пожал плечами, но на самом деле это сильно подорвало его состояние. Хаос, царящий в доме, имел другие, более потенциально опасные последствия. Отец Джеффа жил в мотеле, а мать часто уезжала навестить родственников в Висконсине и забирала с собой Дэвида. Иногда Джефф был предоставлен самому себе, и его воображение пускалось во все тяжкие. Момент, когда его фантазии могли вырваться на свободу и стать видимыми, быстро приближался.

Однажды троица, вместе ходившая на выпускной вечер – Майк, Линн и Бриджит, – а вместе с ними еще один или два человека, собралась в доме Дамеров, чтобы устроить спиритический сеанс. Джефф утверждал, что в доме обитают привидения и дух предыдущего владельца можно вызвать с помощью предельной концентрации и силы воли. Безобидная чепуха, которая, тем не менее, казалась пугающей при выключенном свете. Для Линн темнота оказалась слишком гне-

тущей: она закричала, когда что-то зашевелилось между сидящими за столом, а Бриджит вскочила и сказала, что уходит. Один из парней вышел и отвез ее домой, и это был последний раз, когда она видела Джеффри. Вскоре спиритический сеанс прервал вернувшийся доктор Дамер, который заставил всех уйти.

В следующий раз дом посетил Джефф Сикс, после чего пропали некоторые драгоценности. Лайонел подал заявление в полицию – были украдены три кольца и браслет общей стоимостью более тысячи долларов, – после чего Джеффу наотрез запретили принимать гостей. Однажды вечером он пошел выпить с Майком и Джеффом Сиксом, и, когда парни высадили его возле дома № 4480 на Вест-Бат-Роуд, доктор Дамер вышел из дома и начал ругаться с Джеффом. «Я говорил тебе не болтаться с этими ребятами», – заявил он. Позже те же двое снова пытались наладить контакт с Джеффом, но Лайонел, открывший дверь, отказал им, заявив, что они плохо влияют на его сына и что Джефф не хочет иметь с ними ничего общего. Майк возразил, что предпочел бы услышать это от самого Джеффа, но доктор Дамер отклонил его просьбу. Ирония заключалась в том, что Джефф говорил с парнями о своем интересе к сохранению и воссозданию смерти с помощью таксидермии и насторожил их своим настойчивым интересом к ней. Если и могло возникнуть какое-то вредоносное влияние, то оно исходило скорее от Джеффа, чем от его гостей.

Когда Джефф закончил школу, Джойс пригласила на праздничный ужин его дедушку и бабушку, – она хотела, чтобы они все вместе обсудили его будущее. Помимо красивого жеста это был практически единственный раз, когда кто-то волновался по поводу дальнейшей судьбы Джеффа. Лайонел подчеркнул: развод настолько истощил его банковский счет, что теперь он не может позволить себе отправить Джеффа в колледж. Дедушка и бабушка предложили самостоятельно оплатить его учебу, если Джефф улучшит свои оценки. Было решено, что он должен поступать в Университет штата Огайо и начнет посещать общие курсы в сентябре. Джефф был крайне удручен и отнесся к решению абсолютно без энтузиазма.

Дело о расторжении брака слушалось в суде общей юрисдикции в июле 1978 года, и развод был разрешен на основании «грубого пренебрежения своим долгом и крайне жестокого отношения» Лайонела Дамера по отношению к своей жене. Несмотря на попытки Лайонела доказать, что жена не сможет справиться с опекой, несмотря на чувство несправедливости, которое терзало его в течение долгого времени, Дэвида оставили с Джойс.

Возможно, до сих пор в этом рассказе оставалось незамеченным, что именно Дэвид был объектом глубокой привязанности своего отца; эти чувства были прямо противоположны досадному разочарованию старшим сыном. Потеря Дэвида глубоко ранила Лайонела. Ему предоставили «разум-

ное право на посещение» сына, но также был наложен судебный запрет, который не позволял ему появляться в доме без предварительной договоренности. В соглашении также оговаривалось, что жена не имеет права перевозить ребенка «на постоянное место жительства за пределы юрисдикции суда без предварительного разрешения мужа или постановления суда». Джойс не могла просто взять и похитить Дэвида, когда ей этого захочется.

Помимо алиментов в размере 400 долларов в месяц Лайонел обязан заплатить Джойс сумму 23 500 долларов за ее долю в доме № 4480 на Вест-Бат Роуд, получив которую, она должна была покинуть дом; в случае невыплаты она могла остаться. У нее были права на автомобиль «Олдсмобил» 1968 года (три года назад она научилась водить машину), и Лайонел сделал ее собственником автомобиля. Ему оставался «Форд» 1972 года, на котором он и ездил. Далее следовал огромный список наименований предметов обстановки, которые становились исключительной собственностью Джойс Дамер: диваны, стулья, столы, занавески, кровати, тостер, стол для пинг-понга, стереоаппаратура, гриль для барбекю и тому подобные вещи, перечисленные на двух страницах. Мужу достались плита и холодильник, а также занавески в игровой комнате. Этот печальный документ, вероятно, сотни раз на дню составляют во всем западном мире: опись и мелочный раздел предметов обстановки призваны констатировать окончательный крах отношений.

24 августа Джойс загрузила вещи в машину и увезла Дэвида с собой в Висконсин вопреки постановлению суда. Ее сестра сказала, что она якобы боится, что Лайонел может что-то им сделать. Говорят, что и Джеффа упрашивали поехать, но он, как обычно, находился в оцепенении. Поэтому Джойс уехала, чтобы никогда не возвращаться, убедив при этом Джеффа не рассказывать отцу о содеянном.

Джефф остался в доме один. В холодильнике, кроме двух литров молока, не было ничего. Некоторые продукты хранились в кладовой уже два года. В доме царил беспорядок. В гараже не было машины. Джефф Дамер оказался в изоляции как в эмоциональном смысле, так и в буквальном. Только через несколько недель его обнаружил отец, у которого не было в мотеле телефона и который по решению суда не имел права посещать дом. Он понятия не имел, что Джойс уехала. Узнав об этом, он сразу же въехал в дом со своей новой подругой Шари Джордан – с ней он познакомился несколько месяцев назад в клубе «Спрингсайд Рэкет», где она брала уроки тенниса. Шари была обаятельной, уверенной в себе, с большим сердцем и пышной грудью. Ее поразило чудовищное состояние дома и ужаснуло, что можно оставить кого-то в таком месте без присмотра – в доме не работал даже холодильник. Джефф выглядел дезориентированным и растерянным сиротой. Он явно испытал облегчение, когда отец и Шари переехали, и Шари приступила к уборке дома.

С Джеффри и Дэвидом она познакомилась в мотеле в

Огайо еще несколько месяцев назад: Лайонел хотел представить мальчикам свою новую подругу. Шари была поражена, что братья оказались совсем не похожи друг на друга – в то время как Дэвид был харизматичным и общительным, Джефф оказался закрытым, замкнутым, показательно вежливым и чрезвычайно тихим. «Мне было всем сердцем жаль его», – говорила она.

Знакомство случилось в мае. А одного в доме его оставили в сентябре. Все обстоятельства и события, которые случились с ним за тот период, привели к тому, что Джеффри Дамер оказался в крайне нестабильном вакууме. Школу посещать не нужно, а учебный семестр еще не начался. Нет семьи, которая занимает тебя безопасным и привычным образом. Нет друзей: немногих из тех, кто все еще хотел тебя видеть, прогнали. Не было у Джеффа и хобби, он не занимался спортом или вообще хоть чем-нибудь, чем можно заполнить свой день. Не стоит еще раз упоминать и развод родителей – они расстались, и рассмотрение дела в суде было лишь формальностью, подтвердить то, что уже давно произошло. Еще до того как Джойс собрала вещи и уехала, она часто забирала Дэвида и ездила навестить свою семью в Чиппева-Фолс, штат Висконсин. В таких случаях Джефф Дамер был полностью предоставлен самому себе, и у него не было никаких дел или амбиций, кроме фантазий, питавших его разум. Больше всего ему требовалась надежно и стабильно устроенная жизнь, система приоритетов, могущая удержать его от

блуждания в своей Стране Бесконечности, обязательства и обязанности, которые бы останавливали его. Даже посещение школы хорошо его дисциплинировало. Теперь, когда все это исчезло и все связи оказались разорваны, хрупкая хватка его рассудка ослабла.

Никто не догадывался, что его захватили фантазии демонических масштабов, иначе его бы не оставили одного ни на минуту. Когда Лайонел и Шари обнаружили его бесцельно стоящим посреди пустого дома в конце лета, они не могли знать, что однажды июньской ночью эта жуткая фантазия наконец вырвалась в реальный мир и оставила след на всей его последующей жизни.

Джефф не забыл мужчину, который пробежал мимо его дома. Теперь у него появилось куда больше времени, чтобы думать о нем, размышлять, представлять их встречу, которая могла бы увенчаться успехом. Он мастурбировал, мечтая об этом, и после того, как достигал удовлетворения, мысли на какое-то время отступали. Но ненадолго. Они становились все более навязчивыми, все более настойчивыми. Через неделю одиночества Джефф обнаружил, что эти мысли приходят в голову по несколько раз в день, и, вспомнив этого мужчину, понял, что с пятнадцати лет его фантазии сосредоточены на человеке, который ничего об этом не знает и который, возможно, даже уже умер. Думают ли парни его возраста о таком, когда мастурбируют? Скорее всего, нет; они думают о девушках или об обнаженных женщинах, которые

отвечают им взаимностью. А если они думают о других мальчиках, то, вероятно, уже тискались с ними и занимались сексом, который произошел случайно, в результате этой «возни». Мечтают ли парни-гомосексуалы о сексуальном общении и любви? Он понятия не имел. Он знал только, что в его фантазиях секса было меньше, чем исследований, любви меньше, чем обладания. Иногда в них было даже убийство человека в попытке удержать его. Это было абсурдно, и он это знал. Это было стыдно, нереально, бессмысленно. Но также необходимо – что-то сжималось под ребрами и в паху, требуя разрядки. И вот он мастурбировал, а мысли на время исчезали.

Возможно, это будет автостопщик, представлял он. Красивый парень с красивой грудью, которого он увидит на обочине дороги, пригласит к себе, ну, и кто знает, что дальше? Он месяцами думал об этом автостопщике, рассказывая себе историю, которая имела выбранное им завершение. Но этого, конечно, не происходило – просто не могло произойти, потому что это была фантазия. Кроме того, у него не было машины, а в той сельской части штата Огайо он ни разу не видел идущего вдоль дороги человека, ни разу с тех пор, как эти мысли появились. И было бы бессмысленно его искать. Подобные вещи не происходят в реальности, это просто грезы и мечтания. Тем не менее он не прекращал об этом думать, мысли летели, по его словам, «как стрелы из ниоткуда, поражая разум», и он лелеял их, взращивал снова и снова.

Он не читал литературы, которая могла зародить такие фантазии, не находил идеи в фильмах или книгах; они сами по себе приходили в его голову, из ниоткуда, и, насколько он мог судить, он сам их создал. Скорее всего, они вообще не *пришли* в его голову, а *родились* в ней.

Стоял теплый летний день середины июня, когда Джефф решил ненадолго выйти из дома. Он спросил отца, может ли он одолжить синий «Форд», чтобы сходить в кино; он ответ Лайонела в мотель «Огайо» и вернет машину на следующий день. Лайонел согласился, и Джефф уехал из мотеля в середине дня.

Примерно в пять часов, проезжая по шоссе, Джефф увидел *его*. Там, на противоположной стороне дороги, по направлению к нему шел автостопщик. На вид ему было около девятнадцати лет — примерно ровесник Джеффа, которому в прошлом месяце исполнилось восемнадцать. Он был одет в джинсы и теннисные туфли, но из-за жары снял рубашку. Это была самая важная, самая соблазнительная деталь. Грудь парня была открыта, и, видимо, ее даже можно было потрогать. У него были каштановые волосы до плеч, и он неплохо выглядел. Он поднял руку с большим пальцем вверх для голосования, но на этом участке дороги почти не было автомобилей. Джефф продолжал ехать вперед, размышляя. Его фантазии проснулись и явились прямо перед ним. Может, ему стоит попробовать? Казалось, все это подстроено специально, подготовлено именно для него. Раньше он нико-

гда не встречал автостопщиков; он мог и не заметить парня, если бы на том была рубашка; в доме никого не осталось, так что он никого не побеспокоит; впервые он находился один в машине; все встало на свои места. Это же очевидно! Каким-то таинственным образом к нему *прислали* автостопщика! Обстоятельства складывались слишком идеально, чтобы противиться замыслу. Но тем не менее он сильно нервничал.

Джефф развернулся и догнал автостопщика. Он сказал, что никуда особо не собирается, но если тот хочет, то они могут пойти к Джеффу домой, выпить пива и выкурить косяк. Его родные уехали, поэтому их никто не потревожит. Молодой человек, представившийся как Стивен Хикс родом из Иллинойса, согласился и сел в машину. Через какое-то время он, конечно же, собирался пойти домой. Джефф думал о том, что он будет делать, и испытывал практически вуайеристскую дрожь, глядя на тело этого мужчины и представляя, как он ласкает его: парень был похож на картинку в одной из тех книг, но все же реальный! Идея завоевания или соблазнения не входила в его импровизированные планы; подобные замыслы не вписывались в «мебельную» концепцию фантазий Джеффа Дамера. Было бы, конечно, лучше для всех, если бы так и случилось: завоевание и соблазнение – относительно естественные амбиции, которых большинство людей достигает без насилия. Но в его голове снова промелькнул спектакль, концовкой которого были смерть и единоличное владение этим телом. Он пытался вытеснить

эти мысли, изгнать, но в его голове постоянно шла борьба.

Они поехали в дом № 4480 на Вест-Бат-Роуд. Фриски обрадовалась, что Джефф вернулся домой. Собака быстро успокоилась, и ребята отправились в комнату Джеффа. У него оставалось немного марихуаны из запаса, которым обеспечил его Джеф Сикс, но Стивену курить не понравилось. А вот пива он выпил с удовольствием. Джефф хотел начать заигрывать с ним, но не знал, как это сделать. Вскоре стало ясно, что Стивен не гомосексуалист: он противился любым попыткам заговорить на сексуальные темы и рассказал, что только что отпраздновал девятнадцатилетие и собирается навестить свою девушку. Тогда все окончательно стало очевидным. Джефф хотел попросить его раздеться, но не решился. Это был первый раз, когда он имел возможность удовлетворить свои гомосексуальные фантазии, но просто-напросто не мог этого сделать. Он был напуган. Наверняка его отвергнут, а затем он останется с этими ужасными, навязчивыми мыслями в одиночестве.

Все эти разговоры о девушках, устремлениях и будущем подействовали на Дамера как ржавые тиски, и в результате его сознание устремилось навстречу взрыву и катастрофе. У него-то будущего не было, он не развивался; он обречен сидеть в этом доме и отравлять свою жизнь страшными мыслями. Ему нужно срочно удержать этот момент и заставить происходящее развиваться согласно его воле; хотя бы раз попытаться что-то контролировать и *быть самим собой*, каким

бы он ни был. Ему понравилось находиться в компании Стива, и он вождедел его тело, так почему он должен быть отвергнут?

Пару часов они выпивали и болтали, затем Стивен Хикс поблагодарил Джеффа и сказал, что ему пора уходить, пока не стемнело. Волна разочарования внутри Джеффа росла до тех пор, пока не заполнила его ноздри и не поднялась к вискам. Он не уйдет. Он не может уйти. Джефф не позволит ему уйти.

Он спустился в подвал и взял двадцатисантиметровую штангу без гирь на конце. Когда он поднялся наверх, Стивен все еще сидел в кресле, спиной к двери. Дамер неожиданно с силой ударил его штангой по голове. Стивен изумился, но отреагировал. Произошла быстрая драка, и Дамер ударил его во второй раз, после чего Стивен потерял сознание. Дамера охватили паника и возбуждение, страх и нетерпение, его действия были вызваны всплеском эмоций, отныне недоступных для нашего разума. Он начал душить штангой обмякшее тело Стивена Хикса, пока тот не перестал дышать.

Как только он перестал тяжело дышать, Дамер аккуратно снял с него одежду, чтобы явить красоту, так волновавшую его. Он провел руками по груди, погладил ее, поцеловал, а затем лег рядом с телом. Наконец, он встал над трупом и начал на него мастурбировать.

После этого на него обрушилась реальность. «В ту ночь я чуть не сошел с ума от страха, – вспоминал он. – Я не знал,

что делать. Я дошел до такой крайности». Когда стемнело, он вытащил тело на улицу во двор, затем затащил его под дом, оставил там и вернулся обратно. Заснуть он не смог. Его сердце бешено колотилось, он паниковал из-за того, что совершил, думал, как это можно исправить. Ему придется каким-то образом все скрыть. Это казалось невозможным; людям, он знал, снятся кошмары, связанные с убийствами, нежелательными трупами, их обнаружением и следующей за этим ответственностью – скверные сны, другими словами, – и с ним произойдет то же самое, но в реальной жизни. Он должен полностью уничтожить улики, ни больше ни меньше; все остальное подождет.

На следующий день он купил большой нож, а когда вернулся, сразу же направился напрямик к телу Стивена, лежавшему под домом. Так называемый «подпол» – практически то же самое, что подразумевает его название, это неиспользуемое место под домом, в которое можно заползти. Похоже на пространство, которое остается между сваями, когда на них стоит дом; чаще всего такое случается, если дом построен на наклонной поверхности. В доме № 4480 на Вест-Бат-Роуд можно было стоять в конце прохода, который становился все ниже по мере того, как двигаешься вперед, пока в итоге пол и земля не соприкасались друг с другом. Именно там Дамер и приступил к расчленению и уничтожению тела Стивена Хикса. Сначала он отрезал руки и ноги, а затем голову. В жалком, жестоком подобии экспериментов, которые

он проводил со сбитыми на дороге животными, он разрезал живот, чтобы посмотреть, как выглядят внутренности – при этом вытекло много крови, впитавшись в землю. (Лишь намного позже истинная цель и назначение этой операции будут раскрыты и окажутся чем-то бóльшим, нежели пустое любопытство.) Он поместил разные части тела в три трехслойных мешка для мусора, а одежду и удостоверение личности на имя Стивена Хикса сжег в бочке для мусора за обрывом, примерно в сорока метрах от дома. Мешки для мусора он пока оставил под полом.

Весь следующий день Дамер провел в раздумьях. Он был в отчаянии от того, что наделал, а также испытывал ужас при мысли о том, что все откроется. Постепенно его начинала мучить совесть. В конце концов он принял решение, что сбросит останки в овраг примерно в шестнадцати километрах от дома, поздно ночью, когда никто его не увидит. Набравшись смелости и выпив пива, он положил пакеты на заднее сиденье машины и уехал. На часах была середина ночи.

В три часа ночи Дамера начал преследовать полицейский автомобиль, и его попросили остановиться. В машине был только один полицейский – они с Джефом оказались вдвоем на пустой проселочной дороге. Офицер вызвал подмогу, и вскоре после этого на место происшествия прибыл еще один автомобиль. Они видели, как он поворачивал налево с центральной части дороги, то есть делал это не совсем правильно. Не мог бы он немного отойти? Джефф сделал как велено;

затем они потребовали, чтобы он обошел машину, потому что хотели его протестировать – приложить палец к носу и идти по прямой линии. С обеими задачами он, на радость полицейские, справился. (Это было до того, как появились алкотестеры.) Однако на этом испытание не закончилось. Один из офицеров направил фонарик на заднее сиденье машины и увидел там большие пластиковые пакеты.

«Что это за запах?» – спросил он.

Джефф объяснил, что в пакетах бытовой мусор, который он хотел вывезти на городскую свалку. Почему так поздно? Потому что его родители сейчас переживают сложный развод и он не может уснуть; он думал, что поездка на автомобиле заставит его забыть обо всем.

Офицеры были готовы в это поверить и не стали проводить дальнейшее расследование. Не успокойся они этим, одиссея Дамера, конечно, вовсе бы не состоялась: в местной прессе просто появилась бы очередная заметка о еще одном убийстве, целью которой было встряхнуть общественность. Но даже в этом случае для семьи этого молодого парня-автостопщика было уже слишком поздно. Если кто и размышлял об этом больше других, так это полицейский, остановивший Дамера той ночью. Тринадцать лет спустя на допрос Дамера полицейское управление штата Огайо отправит в Милуоки того же человека. Полицейский Ричард Манси уже станет лейтенантом Манси; он будет пребывать в глубоком шоке, когда просмотрит протокол этого ночного происшествия и

обнаружит, что именно он тогда остановил Дамера на шоссе. Джеффу выписали штраф за опасное вождение и отпустили домой, в общей сложности он провел с полицейскими полчаса. То, что он сделал потом, было крайне странным и тревожным. Он положил пакеты обратно под пол, а затем открыл их, чтобы найти голову. Достав ее, он отнес ее наверх в свою спальню. Положил голову на пол и, глядя на нее, начал мастурбировать. Сейчас она принадлежала *ему*, его спутник и утешение – эта отрубленная голова; его фантазия стала реальностью, его собственным, личным возбудителем, и, когда он стоял там и двигал рукой, пытаясь таким неестественным способом успокоиться, восемнадцатилетний мальчишка из уединенной сельской местности штата Огайо сделал первый шаг на пути к безумию.

* * *

Следующей ночью Дамер вытащил мешки с туловищем и конечностями Стивена Хикса и затолкал их в широкую глубокую дренажную трубу на заднем дворе, а затем засыпал землей. Он не мог придумать, что еще можно с ними сделать, и все время задавался вопросом, придется ли их когда-нибудь оттуда доставать или же само их существование является доказательством его преступления. Он вообще не мог ясно мыслить. Голову он ненадолго оставил у себя, но потом и ее пришлось убрать с глаз долой, поскольку она начала силь-

но разлагаться. Если бы он мог точно так же взять и выбросить из головы весь этот жуткий эпизод, он бы это сделал.

Он поехал к реке Кайахога и бросил ожерелье Стивена в воду вместе с ножом, которым разрезал тело. Но он не мог бросить в воду воспоминания, не мог убрать из своей головы образы, не мог избавиться от страха, который преследовал его весь день. Джефф знал, что он обречен. «Та ночь в Огайо, – вспоминал он, – та ночь, когда я так импульсивно себя повел. После нее все пошло не так. Такое губит всю вашу жизнь. После того как это случилось, я подумал, что постараюсь вести как можно более нормальную жизнь и забуду об этом, но такое не забывается. Я не думал, что будет еще хуже, но так все и случилось – это губит всю вашу жизнь».

Неудивительно, что его попытки стереть память о содеянном и смягчить потрясение, которое он испытал, в итоге не увенчались успехом. Произошедшее будет мучить его еще девять лет, и образ Хикса, который мог без предупреждения возникнуть перед ним в любой момент, лишь частично исчезал при употреблении больших доз алкоголя. В какой-то степени в этом самом первом инциденте оказалось две жертвы – просто одна из них не умерла. Память о первом убийстве продолжала причинять Джеффу Дамеру страдания еще долгое время после того, как нормальные человеческие реакции на смерть и страдания у него атрофировались. Он оплакивал этого парня все последующие годы, как не оплакивал никого из последующих своих жертв. Когда он вспомнил об

этом во время разговора с психиатром в 1991 году, его голос задрожал и наступила тишина. Врач почувствовал, что должен что-то сказать ему. «Я не позволю тебе упасть обратно в яму», – произнес он, наблюдая, как этот человек впадает в муки жестокого самоанализа. Все, что Дамеру удалось ответить: «Я бы предпочел разговаривать о чем угодно в мире, но только не об этом».

Из-за религиозных привычек, усвоенных в детстве, он иногда молился о прощении, но в то же время считал, что недостойн такого подарка. Он понимал, что его «извращенная похоть» стала причиной смерти Хикса и что эта похоть выросла на благодатной почве моральной инерции – «не беспокойся о других, не беспокойся о себе».

В июле 1978 года, на следующий день после того, как официально произошел развод его родителей, и на следующий день после того, как его мать наконец-таки сбежала в Висконсин, дорожный суд города Акрон, штат Огайо, оштрафовал Джеффа Дамера на двадцать долларов за то, что он поворачивал налево от центра дороги 25 июня в три часа ночи. Последний раз Стивена Хикса видели живым (кто-то, помимо его убийцы) 18 июня. Его останки будут найдены только через тринадцать лет.

После того как Лайонел и Шари нашли в доме растерянного Джеффа, с собакой и пустым холодильником, они приступили к планированию его будущего. Они пытались поговорить с ним, узнать, чего он хочет, но он был абсолютно

лишен каких-то амбиций и идей. Судя по всему, он отказался от жизни как таковой, что, как они считали, было крайне печально в таком юном возрасте. Все, чего он хотел, – это выпить. Он выпил почти все бутылки спиртного в доме, и однажды, когда Шари рано пришла домой с работы, она обнаружила, что Джефф лежит на своей кровати, потеряв сознание после того, как выпил зараз пятую часть бутылки виски «Джек Дэниэлс». Он умолял Шари не рассказывать об этом отцу и сказал, что пьет только потому, что ему скучно и нечем заняться. Лайонел настаивал на том, чтобы Джефф поступил в университет, но он не проявлял к этому никакой заинтересованности, тогда Шари решила взять быка за рога и все равно подала за него документы. Более решительная и активная, чем Лайонел, она видела, что иначе эта тяжелая ситуация затянется и ни к чему не приведет. Шари повела Джеффа по магазинам, купила ему одежду и через пару недель заставила подготовиться к поступлению в колледж. Они с Лайонелом отвезли его в государственный университет штата Огайо.

Джеффа поселили в комнате № 541 общежития «Росс Хаус», где он жил с тремя соседями – Крейгом Чвайгером, Майклом Прочаска и Джефффри Гердериком. Все они считали Дамера довольно странным, и он не зря производил на них такое впечатление. Во-первых, большую часть времени он проводил лежа на спине на верхней койке двухъярусной кровати, раз за разом слушал альбом группы «Битлз» и под-

певал, особенно ему нравилась композиция «Я морж». Без видимой причины (поскольку тогда он был аполитичным, как и сейчас) он приколот к стене фотографию вице-президента Уолтера Мондейла. Однако больше всего их раздражало его постоянное употребление крепких напитков, из-за чего он был не в состоянии посещать занятия. Он мог запросто не встать утром – просто записывал лекции, а затем слушал их, пока напивался, и в день ему было нужно примерно две бутылки виски. Скромной суммы, которую ему присылал отец, не хватало, чтобы финансировать свою алкогольную зависимость, поэтому Джефф нашел способ пополнить свой кошелек, сдавая два раза в неделю кровь в университетских центрах плазмы. В итоге ему пришлось пометить ногти, чтобы он не мог сдавать кровь чаще, чем раз в неделю.

Его поведение было странным и непредсказуемым. Однажды вечером трое его соседей по комнате пошли выпить, оставив Джеффа, как обычно, дома – в штате Огайо у него даже в университете не было ни друзей, ни даже знакомых; похоже, что он постоянно находился в подвешенном состоянии. Когда они вернулись, то обнаружили, что вся мебель сложена в один угол, а повсюду разбросаны куски пиццы. Никаких объяснений этому он не дал. В следующий раз он без видимой причины ударил ногой по кафельной плитке в ванной и повредил ее. Он потерял ключи от комнаты, украл взятый напрокат велосипед, его подозревали в краже часов, радио и ста двадцати долларов наличными у ребят, когда те

находились на лекциях. Они считали, что он заложил эти вещи, а деньги потратил на выпивку, потому что в его записной книжке нашли адрес местного ломбарда.

Чвейгер, Прочаска и Гердерик решили, что Дамер им надоел; он оказывал на них негативное влияние, причинял одни неприятности и отрезал себя от них всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Они ходатайствовали о его выселении из комнаты, но им сказали, что ничего нельзя сделать до конца семестра и придется с этим смириться. В итоге проблема решилась сама собой: успеваемость Джеффа за первый семестр была настолько низкой, что все заинтересованные стороны – он сам, университет и его отец – согласились, что продолжать обучение в колледже будет неразумно. Несмотря на то что оплачен был и следующий семестр, на Рождество его отчислили.

В тех нескольких жалких неделях, проведенных в колледже, нетрудно увидеть довольно стандартный способ, которым Джефффри скрывался от реальности. Употребление алкоголя во все более пугающих количествах указывает на отчаянные и безуспешные попытки избавиться от навязчивых мыслей. Неспособность установить дружеские отношения показывает отвращение к себе и сомнения по поводу того, какое место он занимает в отношениях с другими людьми – другими словами, подтверждение основной шизоидной дилеммы и ее решение: полное отчуждение от остальных. Всплеск гнева, из-за которого пострадала стена в ван-

ной комнате (что напоминает прежние примитивные попытки рубить стволы деревьев), хоть и сам по себе незначителен, явно показывает, что Дамер находился в кризисном состоянии, что он боролся, пытаясь изгнать воспоминания и избавиться от чувства вины. Что касается его необъяснимого поведения, когда он сложил всю мебель в углу, то в свете того, что мы теперь знаем, можно назвать это симптомом мучительной внутренней потребности прекратить самокопание посредством *любой* двигательной активности, которая могла бы занять его разум; это форма обмана, при которой человек лжет самому себе. Но ничего из этого не сработало, и неудивительно, что как-то раз в течение этих недель, оставшись наедине с самим собой в комнате № 541 в пьяном ступоре, Джеффри Дамер не выдержал и заплакал.

Вернувшись домой, он опять начал искать забытие в марихуане и часто бывал в компании Джеффа Сикса; им обоим выписали предупреждение, когда они заехали на чью-то лужайку перед домом. Однажды он без разрешения взял машину отца, а затем потерял ее – или просто не мог вспомнить, где оставил. Лайонелу и Шари пришлось отправиться на поиски собственного автомобиля.

Казалось, у Джеффа остается один выход – пойти в армию. Отец отвел его в военкомат в Акроне, штат Огайо, и его приняли на военную службу сроком в три года, при этом сначала его должны были отправить в военную полицейскую школу в городе Форт-Макклеллан, штат Алабама.

Через несколько недель, в канун Рождества, Лайонел и Шари поженились. Джефф на свадьбе не присутствовал. 29 декабря он уехал в Алабаму.

В течение первых четырех недель базовой подготовки курсантам было запрещено употреблять алкоголь. Именно такая непреложная дисциплина, по мнению Дамеров, и требовалась их заблудшему мальчику. Он также страдал от избыточного веса, и, чтобы быстро от него избавиться, его посадили на строгую диету – пять сваренных вкрутую яиц в день и восемь километров пешком, – что принесло мгновенные результаты. В течение дня, занятого заботами и делами, у него не оставалось времени на размышления, но, когда снова разрешили пить, Джефф вместе с бутылкой опять ушел в свое внутреннее убежище. Его регулярно отчитывали за пьянство, и однажды, к его огорчению, за неподчинение Джеффа был наказан весь взвод, после чего несколько человек его избили. Он был весь в крови, ему повредили барабанную перепонку, и даже десять лет спустя у него периодически возникала острая ушная боль. Джефф никогда не пользовался популярностью, держался в стороне, никто ему не симпатизировал, но после избиения он старался не доходить до состояния алкогольного паралича.

Также в этот период базовой подготовки он узнал, что дома от инсульта умерла его собака Фриски. «Ей было двенадцать лет, – вспоминал он. – Нет, я не плакал. Я любил ее, она была отличной собакой, но нет, никаких сильных эмоций

я не испытывал». Он не плакал с тех пор, как учился в колледже. «Это было, когда я учился в колледже, и в тот день я думал о Хиксе. Япил и был в сентиментальном настроении, и из-за этого заплакал».

11 мая 1979 года Дамера отправили в школу армейского госпиталя в Сан-Антонио, штат Техас, где он прошел шестинедельный курс медицины и первой помощи и стал квалифицированным медиком. Совершенно ясно, почему он проявлял склонность к этой научной дисциплине – его отец был химиком по профессии; впервые в жизни ему удалось освоить определенный курс обучения и довести его до конца. К сожалению, многое из того, чему он научится в медшколе, он будет использовать не для спасения жизней – а совсем наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.